

ДЪВЩИЦА ДЪ МАРСАНЪ

или

ПОСЛѢДНЯЯ ГЛАВА МОЕГО РОМАНА.

Соч. Карла Пюды.

Переводъ съ Французскаго

Александры Зражевской.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ Типографіи Императорской Россійской Академіи.

1856.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ тѣмъ, чтобъ по отпечатаніи представлены были въ
Ценсурный Комитетъ три экземпляра сей книги.

С. Петербургъ, 17-го Марта, 1856.

Ценсоръ С. Куторскіи.

ДЪВИЦА ДЕ МАРСАИЪ.

ВЕНЕЦІЯ.

Живое участіе мое въ сопротивленіи народовъ противу наспій Наполеона, приведшее меня въ Венецію въ исходъ 1808, не затмило во мнѣ, что я Французъ, и что ужасное смятеніе, къ которому готовилась тогда часть Европы, будетъ стоить крови моимъ соотечественникамъ. Удивляясь соединенію арміи, которая въ тишинѣ образовалась въ сѣверной Италіи, я далъ себѣ слово не брать въ немъ дѣ-

ительнаго участія, и продолжалъ мои наблюденія какъ путешественникъ натуралистъ, на обширныхъ равнинахъ Иллиринъ, въ странахъ почти незнакомыхъ ученымъ и поэтамъ. Необходимость укрыть себя отъ неутомимыхъ преслѣдованій Императорской полиціи, не такъ бдительной и строгой въ завоеванныхъ земляхъ, какъ на глазахъ своего властелина, — вотъ причина моего недавняго странствованія. Впрочемъ, я не могъ покинуть Венецію, и легко пойму, почему: — я опять влюбился, не смотря что Амелія со дня вѣчной разлуки нашей не выходила у меня изъ памяти. Въ слабомъ сердцѣ человѣка есть таинства повидимому несомвѣстные.

Между старинными эмигрантами, радушно меня принявшими за то только, что я Французъ, одинаковыхъ съ ними мнѣній и несчастій, — одинъ, болѣе всѣхъ внушилъ мнѣ чувство глубокаго уваженія и привязанности, и противъ обыкновенія моего, я смѣло могу назвать его по имени, потому что никакая родственная связь

не соединяеть его съ однофамильцами ; уже давно пресѣкъся родъ его, кромѣ одной особы, которая никогда не станетъ читать меня и не услышитъ обо мнѣ ни слова. Это былъ Г. дѣ-Марсанъ.

Г. дѣ-Марсанъ, о которомъ нѣкоторые изъ прежнихъ придворныхъ быть можетъ вспомнятъ еще, былъ одинъ изъ лучшихъ офицеровъ гвардіи Лудовика XVI-го. Прекрасная наружность, свѣтскость, умъ, храбрость, отличали его въ то время при такомъ Дворѣ, гдѣ эти счастливыя достоинства были не рѣдкость. — Имъ-то обязанъ онъ за свое быстрое возвышеніе, никого не оскорблявшее, и значительное состояніе, отъ всѣхъ уваженное. Дочь его, родившаяся въ 1788 году, окрещена отъ имени Королевы Французской, тою изъ подругъ этой знаменитой и несчастной жены, которая пользовалась особливою довѣренностью въ Версали. Дочь Г. дѣ-Марсана звали Діаной.

Впрочемъ, Г. дѣ-Марсанъ изувѣчен-

ный войною былъ уже старъ въ 1808 году; онъ женился тридцати пяти лѣтъ, и потерялъ троихъ дѣтей прежде нежели небо наградило его единственною дочерью, въ которой онъ наконецъ сосредоточилъ всю свою надежду и любовь. Г-жа дѣ-Марсанъ, находившаяся при сестрахъ Короля, не долго прожила послѣ ихъ помѣщенія въ Триестъ: — умерла прежде ихъ.

Старый эмигрантъ покрайней мѣрѣ воспользовался своими продолжительными несчастіями: — сдѣлался философомъ. Довольный своимъ состояніемъ, умѣренный въ издержкахъ, и благовременными предосторожностями спасшій себя при общемъ разореніи, — онъ тихо проводилъ остатокъ жизни въ пріятныхъ занятіяхъ и развлеченіи одиночества. Любовь къ натуральной исторіи скоро насъ сблизила, и каждый вечеръ я приходилъ къ нему играть въ пикетъ. Такое его пристрастіе ко мнѣ, передъ всѣми молодыми людьми, удостоенными его дружеской бесѣды, черезъ нѣсколько времени обратилоя во

что-то отеческое, къ которому Діана имѣла право ревновать. Я никогда не замѣчалъ въ немъ того малодушнаго тщеславія, которое зовется чванствомъ знати, но впрочемъ точно звалъ, что иногда, онъ сожалѣлъ за чѣмъ я не высшего круга, такъ даже, что принуждалъ себя забыть это.

— Вамъ, господишь шевадье, — сказать онъ мнѣ однажды подавая карты.

И не знаю въ какой пенсеръ моихъ усопшихъ воспоминаній, таившихся двадцать лѣтъ, отыскалъ я это забавное произшествіе.

— Я совсѣмъ не шевадье, вскричалъ я разсмѣявшись, прежде нежели распечатать карты.

— Какъ христіанинъ, увѣряю тебя, возразилъ Г. дѣ-Марсанъ, что рыцари моего дома облекали въ это званіе еще менѣе достойныхъ этой чести.

— Полагаю, отвѣчалъ я, вставая и подходя къ нему, — что это оканчивалось торжественнымъ привѣтствіемъ.

И я обнялъ его отъ всей души; — я всегда дорожилъ расположеніемъ стариковъ.

Однако надо было безпрестанно прощать ему сильное и страстное упрямство на счетъ одного обстоятельства, которое часто мѣшалось въ разговорахъ того времени. Одно имя революціи производило въ немъ истинную революцію, и хотя онъ почиталъ близкое возстановленіе Бурбоновъ на тронъ ихъ предковъ, событіемъ непреложнымъ, однако далъ клятву никогда не вѣзжать въ Парижъ, въ которомъ всѣ камни, казалось ему, омьгты кровью осужденныхъ. Такое отвращеніе ко всѣмъ политическимъ движеніямъ этого рода, не щадило и единомышленниковъ собственной партіи его; и въ преданности своей правосудію и непреложности воли Промысла, онъ горько порицалъ бе-

зумцевъ , ищущихъ ускорить исполненіе судебъ Его , не разумѣя медленія премудрости Божіей. Мысль, о которой говорю я, такъ часто и быстро обнаруживалась въ его рѣчахъ , что совершенно возбраняла мнѣ желаніе сообщить ему всѣ тайны моей бурливой юности, а тѣмъ болѣе связи мои , по пріѣздѣ въ Венецію , съ *Карбонаріями* и сообщниками *Тугенд-Бунда*, одно имя которыхъ внушало ему столько же ужасовъ , какъ и названіе Якобинцевъ. Впрочемъ , надо согласиться, что я также почувствовалъ нѣкоторую склонность къ его мнѣніямъ , прежде даже чѣмъ узналъ его ; — пагубная сѣть тайныхъ обществъ удерживала меня только невозможностью разорвать её безъ насилія. Мнѣ было двадцать шесть лѣтъ , переналавленныхъ въ несчастіяхъ , почти безпримѣрныхъ для моего возраста; мое пристрастіе къ тихимъ занятіямъ и къ досужему ученичеству, напоминало мнѣ безпрестанно о другомъ родѣ жизни, который долженствовало меня остепенить; но время отъ времени случалось и такъ , что необузданныя

страсти снова брали верхъ и снова топили меня въ чудномъ хаосѣ волненій и душевнаго безсилія, отъ которыхъ мое сердце могло освободиться только стѣною вѣрою въ какое нибудь прочное блаженство.

Этого-то блаженства безразсудное воображеніе мое домогалось въ любви.

Діана дѣ-Марсанъ была двадцати лѣтъ и не выглядѣла моложе: — ея цвѣту лица, впрочемъ живому и блестящему, но немного загорѣвшему отъ солнца, какъ вообще у всѣхъ Венеціанокъ, недоставало той свѣжести, которая, какъ пушечъ на плодахъ, сорванныхъ съ дерева, отбиваетъ лице дѣвицъ. Высокій ростъ и видный, внушая что-то важное, еще болѣе умножалъ обыкновенную выразительность ея фizioноміи. Трудно было угадать, что таилось въ ея взглядѣ гордомъ и печальномъ, въ безпокойномъ и надменномъ трепетаніи бровей, въ презрительномъ и горькомъ движеніи устъ, отъ привычки къ

тайному огорченію или убійственной разочарованности. Такъ рѣзецъ ваятеля древности и мифологія изобразили намъ Діану, достойную сестру Аполлона; — не одинъ я ощущалъ такое впечатлѣніе въ присутствіи дѣвницы дѣ-Марсанъ; — извѣстнѣйшіе поэты того времени называли её въ концѣ своихъ сонетовъ; изваянною изъ того же холоднаго Веллетрійскаго мрамора. Впрочемъ Діана по общему сознанію была прелестіею всѣхъ Венеціанокъ.

Препятствія лишь еще раздражаютъ сердце мужчины, особливо влюбленнаго. Я такъ горячо любилъ Діану, можетъ и потому, что всё въ ней высказывало нелюбовь ея ко мнѣ. Послѣдствія же этого чувства, ни мало не пугали меня. Небольшое состояніе Діаны отвлекало многихъ опасныхъ искателей, и положеніе стараго Французскаго аристократа, заточеннаго на краю взморья, не обѣщало ничего приманчиваго честолюбію зятя, кромѣ одной красоты. Напротивъ, мое состо-

яніе долженствовало уллучшиться побѣдою моеѣ партіи, въ чемъ Г. дѣ-Марсанъ ни мало не сомнѣвался. Я всеѣмъ пожертвовалъ, я столько пострадалъ, — а счастливые короли такъ признательны!

Діана не незнала о моеѣ страсти: женщины никогда въ этомъ не ошибаются. Ея зловѣщая мрачность взглядовъ, суровость обхожденія и словъ, скоро дали мнѣ это почувствовать. Я приписывалъ эту жестокость безпрестанно возрастающую, различію нашихъ состояній, и очень хорошо понималъ, — что такое чванство знати, и какъ легко было возненавидѣть, если Діана знала это обстоятельство; но я уже сказалъ, что Г. дѣ-Марсанъ упорно продолжалъ облагораживать меня; съ того самаго примѣчательнаго дня, когда я получилъ отъ него кавалерство, съ обѣихъ концевъ игорнаго стола, титулъ шевалье, былъ тѣсно связанъ съ почтеннымъ, по темнымъ именемъ, которое получилъ я отъ предковъ моихъ, такъ что даже Шеринны и Гозьеры не осмѣлились бы его

оспоривать у меня. Кто знаетъ иперболическій геній Венеціанъ, особливо низшаго сословія, тотъ легко увѣрится, что учтивость слугъ не довольствуется такимъ ничтожнымъ титуломъ. Въ пріемной я слылъ покрайней мѣрѣ Графомъ, — впрочемъ скоро пересталъ я обращать на это вниманіе, и терпѣливо сносилъ превращеніе, унижавшее отчасти и скромность и мою искренность, — только бы не досаждалъ своеправному и невинному тщеславію вельможи, въ которомъ я нашелъ себѣ друга.

Мнѣ непременно хотѣлось объяснить это Діанѣ, если бѣ она показала хотя малѣйшій знакъ снисхожденія къ моей любви; но она избавила меня отъ этой неприятности. Холодность ея скоро обратилась въ грубость, равнодушіе въ презрѣніе. Черезъ нѣсколько дней, она совсѣмъ открыла мнѣ глаза, такъ что болѣе счастливый, чѣмъ я когда либо былъ въ побѣдахъ надъ женщинами, не мѣшкалъ бы отказаться, подобно мнѣ, отъ требованій

безнадежныхъ. Впрочемъ, я утѣшалъ себя тою же неудачей нѣсколькихъ молодыхъ Венеціанъ, больше меня опытныхъ въ искусствѣ вести себя.

Я не прикидывался отчаяннымъ. Только этого и недоставало, чтобы сдѣлаться вполне смѣшнымъ. И не плакалъ. Плачутъ только когда теряютъ надежду соединиться съ тою, которая и насъ любить. Я презиралъ, возненавидѣлъ себя, грызъ съ досады пальцы; подъ предлогомъ нездоровья, занятій, путешествій урѣжалъ мои визиты; игралъ въ большую игру, выходилъ на дуэль, и потомъ съ невыразимымъ бѣшенствомъ бросился въ безумное скопище, съ которымъ мѣсяць назадъ думалъ разстаться навсегда. Я услаждался мыслию умереть трагически, со славой и пристыдить её въ несправедливомъ презрѣніи. Делалъ въ себѣ эту необузданную фантазію заговоровъ, изгнаній и казней, какъ только делють мечту любви и упоеній. Наконецъ я обезумѣлъ.

Наши сборища происходили въ окрестностях Ріальто, въ самой обветшалой комнатѣ стариннаго, давно уже заброшеннаго замка, котораго хозяинъ самъ никогда не бывалъ въ немъ, но предоставилъ располагать замкомъ своимъ одному изъ нашихъ предводителей, удалясь въ Венеціанскую деревню подальше отъ опасностей. Почти бесполезно пересказывать изъ какихъ людей состоялъ нашъ тайный союзъ. Можно угадать его безъ малѣйшей опытности въ политическихъ заговорахъ, и не вдаваясь въ тонкое изученіе Исторіи. — Пять или шесть молодыхъ людей, чувствительныхъ или великодушныхъ, но раздраженныхъ бѣдствіями челоуѣчества и насиліями тирана, занимали въ немъ самое примѣтное мѣсто, и мало по малу разубѣжденные, какъ и я, день ото дня урѣжались; прочіе, какъ и вездѣ, — толпа враговъ установленнаго порядка, каковъ бы онъ ни былъ, скопище честолюбцевъ бездарныхъ, требованія которыхъ умножаются и растутъ по мѣрѣ ихъ ничтожности: кругомъ въ долгахъ, безъ правственности

и добраго имени, они ищутъ только случая продать своихъ соумышленниковъ за горсть золота или позорную непаказанность. Такъ я начиналъ уже судить о нихъ, но еще не рѣшительно, не вполне. Надо много видѣть и много испытать подобнаго, чтобъ судить непристрастно.

Конечно согласятся, что честолюбіе мое, искать славной смерти въ подобномъ обществѣ, — это безумное мотовство на жизнь, есть слѣдствіе страсти безъ имени, понятной только для тѣхъ, которые сами испытали её. —

Такія сборища дѣйствовали во всѣхъ странахъ, гдѣ только Наполеонъ въ переходахъ своихъ не оставлялъ управленія и войска.

Предметомъ карбонаризма того времени былъ благочестивый союзъ сыновъ отечества всѣхъ земель противъ уснѣховъ неасытнаго деспотизма, который явно домогался всеобщей монархіи и раздѣла Ев-

ропы на участки, чтобъ раздать своимъ полководцамъ. Это великодушное намѣреніе взволновало всѣ умы тамъ, гдѣ независимость и счастье родины почиталось еще чѣмъ то, — особенно въ Италиі и Германіи, кромѣ Польши, которая, искавши сама не зная чего, охотно надѣла оковы Наполеона по рукамъ и ногамъ.

Занимаясь обезпеченіемъ всеобщаго равновѣсія, ежедневно выкапывали по нѣскольку обломковъ древней свободы, непримѣтно отнятыхъ постепеннымъ хищничествомъ власти. — Случай былъ удобный предъявить ихъ; — и тогда-то случилось то, что можетъ быть никогда не сбывалось: Дружественное условіе между народами и Королями, утвержденное клятвою во дворцахъ и сохраняемое въ хижинахъ, котораго слова были съ одной стороны: *единодушное сопротивленіе войскамъ Наполеона*; а съ другой: *во всѣхъ союзныхъ земляхъ искренняя и совершенная преданность древнимъ политическимъ правамъ*. Это случайное сближеніе выгодъ,

такъ жестоко обманутыхъ событіемъ, было впрочемъ столь мимолетно, что трудно уловить все его подробности, самыми неотступными наблюденіями.

Разливъ эгоизма, честолюбія, суетности, скоро оказался въ этихъ бѣдственныхыхъ скопищахъ, запечатлѣнныхъ всеми пороками главной Ложки, отъ которой они отдѣлились. Не прошло двухъ мѣсяцевъ и уже первоначальное единство раздробилось на четыре или на пять частей, какъ въ главной, такъ и во всехъ завнѣвнихъ отъ нее ложахъ. Одна приняла условія договора въ такомъ обширномъ смыслѣ, чтобы побѣда служила къ совершенному возстановленію власти народа и той нагубной демократіи, которой Венеція хранитъ кровавое воспоминаніе. Другая, которая и перевѣсъ взяла, въ минуту перелома, набирала къ себѣ приманкою корысти людей нерѣшительныхъ и безпутныхъ. Пѣкоторые, казалось, имѣли сношенія съ правительствомъ Наполеона, и черезъ то въ случаѣ неудачи упрочивали себѣ бо-

гатую выручку. Самая малая часть, но безъ сомнѣнія, самая ревностная и безкорыстная, рѣшительно искала только независимости Венеціанскихъ земель и возобновенія ихъ старинной республики. Она подкрѣплялась важнымъ числомъ горцевъ и имѣла предводителемъ своимъ одного изъ тѣхъ людей предприимчивыхъ и дальновидныхъ, котораго одно имя стоить цѣлаго общества.

Маріо Чинчи, — имя этого предводителя, прозваннаго Дожемъ — и я особенно привязался къ его партіи.

Маріо Чинчи происходилъ отъ той несчастной Римской фамиліи, которой гнусное злодѣяніе служило неизсякаемымъ источникомъ сожалѣнія, и которая явила примѣръ неслыханный казни отцеубійства, оплаканнаго религіей, правосудіемъ и народомъ. Меньшой братъ Беатрисы, изгнанный на вѣки изъ церковной области, удалился въ старый замокъ на берега Тагліамента, гдѣ, какъ говоритъ преданіе —

убить громомъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ. Мстительное проклятіе тяготѣло на поколѣніи его изъ рода въ родъ, котораго хронологическая исторія есть трагедія въ нѣсколько актовъ, какъ исторія Пелопидовъ. Предпоследній изъ его поколѣній умеръ на эшафотѣ во время Италіанской революціи, и отъ этой-то крови, отверженной законами и небомъ, остался въ цѣлой вселенной одинъ Маріо Чинчи.

Подъ такимъ зловѣщимъ предзнаменованіемъ буйно и страшно разцвѣла юность Маріо Чинчи, лишенная всякой подпоры въ обществѣ людей; казалось никакое чувство кроткое не умѣряло его природной раздражительности: — одна мысль понравиться ему, — ужасала Венеціанокъ; онѣ не могли безъ содроганія говорить о немъ. Никогда онъ не показывался въ многлюдныхъ мѣстахъ, но если и проходилъ по уединенной улицѣ города, одинъ, или съ товарищемъ, такимъ же таинственнымъ какъ и онъ, то самыя смѣлыя убѣгали встрѣчи съ нимъ, какъ бы укрываясь отъ

вліянія его взглядовъ. И въ самомъ дѣлѣ по чудному ли характеру, или какому-то страшному впечатлѣнію ужаса, которое внушалъ онъ самъ того не зная, его боялись безъ ненависти, точно такъ какъ боится льва; и отсюда не далеко то чувство изступленнаго удивленія, которое превращается иногда въ обожаніе. Никто не могъ упрекнуть его въ несправедливости, или въ умышленной жестокости, напротивъ рассказывали множество великодушныхъ поступковъ, исполненныхъ имъ безъ нѣжности и пристрастія. Часто онъ спасалъ дѣтей отъ смерти, вытаскивалъ ихъ изъ волнъ, но никогда не приласкалъ ни одного изъ нихъ.

Съ двадцати лѣтъ, — а тогда ему было уже двадцать восемь, — его состояніе, разстроенное безотчетною расточительностію, страннымъ уединеннымъ мотовствомъ, заставило его удалиться въ свой грустный замокъ на твердой землѣ, съ однимъ Албанцемъ, его слугою, который никакъ не хотѣлъ его покинуть. Съ тѣхъ поръ онъ

тогда лишь прїѣзжалъ въ Венецію, когда проглядывалъ хотя лучъ надежды на перемѣну дѣлъ Италіи. Видѣли, что онъ проживалъ два мѣсяца сряду, но никто не зналъ его жилища.

Хотя Маріо Чинчи дѣйствительно былъ начальникъ Ложы, гдѣ власть его росла даже въ его отсутствіе, но я никогда не видалъ его ни въ Ложѣ, ни гдѣ, а зналъ эти подробности по народной молвѣ, которая ни въ какой странѣ не можетъ быть такъ летуча, какъ въ Венеціи.

Въ самомъ дѣлѣ Маріо Чинчи не успѣлъ еще выйти на берегъ въ окрестностяхъ *Піацета* (Piazzetta), какъ уже народъ, боготворившій всё необычайное и привязанный къ тѣмъ характерамъ, которые движуть и пугаютъ его, во всѣхъ мѣстахъ города узналъ о его прибытіи: — тогда-то на пристани и площади Святаго Марка сбѣжались толпы; и я слышалъ разговоры, такіе же чудные какъ и тотъ, кто былъ предметомъ ихъ.

— Что будетъ дѣлать здѣсь, сказали одинъ, этотъ зловѣщій бѣсъ, который всюду ведетъ за собой несчастія, и который иначе не пристанетъ къ Венеціи какъ во время бурнаго вѣтра? Не предвѣщаетъ ли онъ заразу, опустошающую Востокъ, или новую войну на морѣ? — Я полагаю, что онъ въ башнѣ своей убить молніей въ послѣднюю бурю, такъ слухъ носился, — ни одинъ изъ Чинчи, вотъ уже болѣе трехъ сотъ лѣтъ, не уходитъ божескаго наказанія, кинжала или эшафота!

— Правда, говорилъ другой, — не жаль его, хотя онъ сдѣлалъ мнѣ болѣе добра чѣмъ зла, когда то и другое зависѣло отъ него, — такова его доля — это рано или поздно будетъ ему. — Господь помилуетъ его въ будущей жизни!

Ну, что вы знаете! вскричалъ третій, который, казалось, его зналъ лучше прочихъ, и вокругъ котораго народъ тѣснился, чтобъ хорошенько вслушаться, — знаете ли за чѣмъ онъ здѣсь? Великодушный

Маріо только и думаетъ какъ бы возстановить нашу древнюю республику съ ея независимостію и торговлею, ея корабли — цари океана и вселенной; ея вѣру, отвергнутую нечестивыми; и благодатное заступленіе Святаго Марка! А какъ въ мизинцѣ его больше храбрости и ума нежели въ цѣломъ народѣ Италіи, то конечно онъ освободитъ насъ отъ Германцевъ и Французовъ и сдѣлается нашимъ Дожемъ. Вы знаете, что я не люблю его, и не слышалъ, чтобы кто любилъ Маріо; но клянусь Богомъ, Маріо Чинчи будетъ Дожемъ Венеціи и возстановитъ ся благоденствіе.

Такія слова повторялись ежедневно; и народъ заботливо стоявшій вдали отъ Маріо, чтобъ не разсердить его, кричалъ при его возвращеніи: *Да здравствуетъ Маріо Чинчи! Да здравствуетъ Дожь Венеціи!*

Вотъ почему его прозвали Дожемъ, и правительство ни мало не безпокоилось, потому что Маріо прослылъ желчнымъ

мизантропомъ, дотога презирающимъ мнѣніе, что не дорожилъ и уваженіемъ къ себѣ; можетъ и въ самомъ дѣлѣ такое сужденіе было справедливо.

Въ день моего вступленія въ Ложу, общество было не многочисленно, хотя созывъ, выполнялся самымъ удивительнымъ средствомъ и совершенно непроницаемымъ для полиціи, — онъ былъ объявленъ въ этомъ обстоятельствѣ очень строго. Я удивился что такъ многіе не явились, и что вся партія Маріо собралась въ присутствіи его непримиримыхъ враговъ; но вскорѣ понялъ, что равнодушныхъ съ умысломъ отдалили, дѣло шло къ рѣшительной борьбѣ, необходимость которой мы давно уже предчувствовали. Въ нашихъ обыкновенныхъ распряхъ то и дѣло что тяжко обвиняли Маріо тѣ изъ сообщниковъ, которыхъ мы презирали и которыхъ я тотчасъ понималъ. Тогда всё выискивали, чтобы выставить его честолюбцемъ, подстрѣкаемымъ личными выгодами, который домогался перемѣны правле-

нія за тѣмъ только, чтобъ возстановить блескъ своего дома и отмстить за смерть отца своего; и который равно презираетъ и сообщниковъ и враговъ. — На всѣ подобныя обвиненія, мы обыкновенно отвѣчали народнымъ кликомъ: *Да здравствуетъ Маріо Чинги!* и споры прекращались. Но чего я изъяснить себѣ не могъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ, — то это увѣренности противной партіи въ своихъ силахъ, въ сравненіи съ толпою молодыхъ энтузіастовъ, одинъ фанатическій героизмъ которыхъ поддержалъ мою вѣру въ наши предпріятія. Вѣроятно таже мысль у всѣхъ насъ вдругъ родилась, потому что въ ту же минуту, всѣ кинжалы наши на половину выдвинулись изъ ноженъ, но опустя ихъ, мы вскричали: *Да здравствуетъ Маріо Чинги!* Насъ было равное число съ его обвинителями, наша молодость, сила и мужество давали намъ верхъ надъ ними: и нашего противорѣчія, грозно произнесеннаго, достаточно было чтобъ остановить всякую рѣшимость.

— Вы хотите Маріо Чинчи! яростно отвѣчалъ предводитель обвинителей, — хорошо! вы получите его голову.

— Возьми её! раздался въ ту же минуту голосъ у двери, между тѣмъ какъ человѣкъ, произнесшій эти слова, торопился замкнуть её и вынуть ключъ спрятать за поясъ.

Да здравствуетъ Маріо Чинчи! повторили мои товарищи, и мы столпились вокругъ Маріо какъ стѣна для защиты. Тогда я въ первый разъ увидѣлъ его, но не могу совершенно обрисовать для тѣхъ, которые его не знаютъ, а еще менѣе для тѣхъ, которые знали. Авторъ, представившій его со всею красотою воплощеннаго ангела свѣта въ тѣлѣ Титана, составилъ только надутую фразу, и ничего больше. Въ немъ другой отпечатокъ, котораго и выразить не могу, — это усмиритель чудовищъ времени баснословныхъ, или гигантъ Паладинъ средняго вѣка. Съ перваго взгляда, казалось, что онъ подобно Гер-

кулесу, причесанъ гриваго чернаго льва:— то были волосы его.

Онъ медленно прошелся по залѣ съ дикою небрежностью, облокотился на столъ почетныхъ членовъ и свирѣпо разсмѣявшись повторилъ:— На, возьми её! — Гуль раздался подъ сводомъ.

Потомъ обернулся къ намъ, покачалъ головою и сложилъ руки на крестъ.

Закалатели всё привели, сказалъ онъ. гдѣ же вѣнки? Вѣрно это доставило бы жертву пріятную аду, если бѣ прорицатели демоновъ были тамъ гдѣ думаютъ! — Дай руку мнѣ любезный Паоло. — Здравствуй, Анибаль, мой Патроклъ и мой Касцій! Весь твой Феликсъ и твой Луцій, достойные и безстрашные дѣти! Bravo мой, маленькій Петровичъ! твои бранные усы погустѣли; порохъ вычернить ихъ. А это кто? продолжалъ онъ, остановясь передо мною. Я долженъ узнать его по высокому стану, похожему на мой, какъ преду-

преждали меня. Это Французскій путешественникъ, котораго нашъ другъ Шастелеръ намъ такъ хорошо отрекомендовалъ. — Какое намѣреніе привело васъ молодой человѣкъ къ наступающимъ происшествіямъ?

— Служить вамъ противъ тираніи и вмѣстѣ умереть, если не станетъ васъ прежде исполненія вашего великодушнаго предпріятія; но я долженъ объявить, что сломаю шпагу на полѣ битвы лишь только явятся Французы.

— Славно, славно, отвѣчалъ Маріо, посмотрѣвъ на меня. Союзъ нашъ не могъ быть прочнымъ если бѣ вы иначе отвѣчали. Постараемся сдѣлать васъ полезнымъ для спасенія народовъ, и ни какъ не замѣшаемъ съ людьми вашего отечества, тоже жаждущими общаго освобожденія, — наша цѣль: для всѣхъ — освобожденіе всѣхъ, а для себя — древняя свобода Венеціи. Впрочемъ, должно бы оставить Венецію, гдѣ каленые камни скрываютъ вулканъ подѣ

вашими ногами, а Французы вашихъ лѣтъ, не могутъ прожить нѣсколько дней въ стѣнахъ этого заразительнаго города безъ любовныхъ дурачествъ; — ваше величайшее дѣло, послѣ славы и побѣдъ, — любезничать съ женщинами.

— Несправедливо судите, Маріо. Я спѣшу удалиться изъ Венеціи навсегда, и завтра бы отправился если бѣ могъ, не унижая себя, среди опасностей, васъ окружающихъ.

— Неужели, отвѣчалъ онъ радостно. Мы еще поговоримъ, но прежде надобно васъ успокоить, заставя молчать этихъ жужжащихъ шмелей, которые мнѣ много досаждаютъ.

Буря, прерванная на минуту прибытіемъ Маріо, снова забушевала, — онъ одинъ казалось не примѣчалъ её.

— Довольно, вскричалъ онъ, — Молчать! — я пришелъ на зовъ вашъ, потому

что и для меня это необходимо, — но не сегодня судить меня. Мнѣ надобно еще нѣкоторыхъ изъ васъ выгнать, и это право, я употреблю только предъ лицомъ Венеціанъ среди площади Святаго Марка.

— Скажи лучше въ тотъ день, разилъ самый озлобленный изъ враговъ его; когда войдешь на Буцентавра и бросишь кольцо свое въ море?

— Почему и не такъ, сказалъ Маріо, если я достойнѣйшій, и Венеція захочетъ? Впрочемъ Тадео, ты очень ошибаешься на счетъ моего самолюбія, равно какъ и на счетъ непредусмотрительности моей! Я слишкомъ боюсь жестокости моего правосудія, чтобъ испытать его властью въ республикѣ, обитаемой людьми подобными тебѣ. Что жъ касается до обрученія съ моремъ, этотъ удѣлъ слишкомъ блестящъ для Чинчи. Прорицаніе Равенны предсказало что послѣдній изъ нихъ умретъ при перѣздѣ черезъ ручей.

Ужасная тревога поднялась во всѣхъ концахъ залы, и мы уже готовились обороняться противъ неожиданнаго нападенія, которыми всегда оканчиваются въ Венеціи всѣ необузданныя распри, какъ Маріо еще разъ произнесъ:

— Молчать! именемъ Святаго Марка и Льва его! или вынудите наложить на васъ молчаніе, которое будетъ нарушено только трубою послѣдняго суда! Я еще не кончилъ рѣчь! — Въ моемъ званіи старшины всѣхъ ложъ Италіи, распускаю Венеціанскую ложу, разрываю союзъ членовъ ея и ломаю орѣховый граненый пруть, служившій знакомъ соединенія, возбраняя вамъ, какъ отступникамъ и вѣроломнымъ, общеніе кровомъ, хлѣбомъ, водою и солью братій моихъ. За чѣмъ ропщете на права мои? Я дѣйствую по законамъ, мнѣ ввѣреннымъ на случай крайности, когда начальство Ложи будетъ уличено въ свѣжемъ преступленіи измѣны; а доказательство измѣны вашей въ рукахъ моихъ. Осиорите ли его?

И въ ту минуту Маріо развернулъ передъ ними бумагу, скрѣпленную печатью Лужи и продолжалъ:

— Взгляни Тадео, взгляни на этотъ кругъ, гдѣ стрѣлка указываетъ на двадцать четвертый часъ, — пробѣтъ, и мы будемъ здѣсь схвачены войскомъ, съ которымъ ты сговорился: за нашу кровь оно принесетъ тебѣ деньги — оцѣнку твоей низкой измѣны. Вотъ письменный договоръ предательства Іудина! . . . Вотъ онъ въ подлинникѣ. Папа великаго Императора имѣетъ только копію съ него, а имена, которые ты означилъ нашимъ тиранамъ, замѣщены тѣми измѣнниками, которыхъ я нахожу возлѣ тебя. Мнѣ жаль было остальныхъ твоихъ обыкновенныхъ негодяевъ, отъ стыда уже покидающихъ тебя, и которыхъ слѣпая соумышленность не заслуживаетъ другаго чувства. Не безпокойся Тадео! Ты не потерялъ постыдныхъ почестей этой купли; осталась твоя подпись и доносъ твой можетъ еще сберечь тебѣ нѣкоторую довѣренность, если успѣешь вмѣстѣ съ мосіо

жизнію вырвать и другую бумагу такую же важную, — актъ, которымъ три мѣсяца тому назадъ, ты обязался перерѣзать всѣхъ Французовъ въ Венеціи въ ту самую минуту когда война объявится. Этотъ другой договоръ убійства, вотъ онъ въ оригиналь какъ и прежній. Ты удивляешься, не правда ли? что такое выгодное предложеніе осталось безъ отвѣта, я объясню почему: — оно тотчасъ попало въ мои руки, но я скрылъ его отъ всѣхъ, изъ уваженія къ имени Венеціанина, которымъ бы я больше еще гордился, если бъ не оскорбляло меня несчастіе дѣлать его съ тобою. Тебѣ въ свидѣтели остается твой честный доносчикъ, вѣрный исполнитель твоихъ велѣній, человекъ почтенный, составившій себѣ ремесло изъ обвиненій и клеветы, чтобъ тѣмъ обезпечить себя отъ званія палача, одинъ изъ тѣхъ нечестивыхъ бродягъ которые переодѣвшись въ судей закололи стараго Андрея Чинчи!

Тадео закипѣлъ гнѣвомъ, но видя себя покинутымъ, — удержался.

— Миценіе, продолжалъ Маріо, которому хочу предать тебя, не соразмѣрно твоему преступленію. Здѣсь никто не намѣренъ избавить тебя отъ тяжести презрительной и постыдной жизни. Если руки мои, въ день битвы еще обогрятся кровью, то это потому что она будетъ благородна и чиста какъ моя кровь, и не замараешь ихъ. И такъ, Тадео, иди съ миромъ, живи и наслаждайся!

Говоря такимъ образомъ Маріо отперъ дверь, которую они разтворили бросаясь одинъ на другаго, и, вѣроятно, къ общему ихъ удивленію, заперъ её опять за ними. Ударила полночь. — Мы не сдѣлали ни одного шага.

— Что вы скажете, друзья, возразилъ Маріо, объ этой безумной толпѣ бродягъ, которые по глупости своей воображаютъ, что я ихъ созвалъ въ этотъ старыи замокъ не оставя для себя тайнаго выхода? Этотъ замокъ принадлежалъ моимъ прадедамъ; тутъ я родился; и въ досужные часы изу-

чалъ всѣ выходы его, въ тотъ возрастъ когда другіе ученики съ ума сходятъ отъ маріонетокъ Гироламо, или оспариваютъ на главной площади острее зюсса. Я проигралъ его въ кости, если припомню, но отнюдь не проигралъ моей тайны.

Онъ подавилъ рукою пружину, скрытую между перегородками древней столярной работы, и потаенная дверь отперлась.

Впечатлѣніе, произведенное во мнѣ этою сценой, оковало всѣ мои движенія, какъ одно изъ фантастическихъ мечтаній очарованнаго сна; и я подумалъ самъ въ себѣ, не это ли случай умереть, котораго я такъ пламенно желалъ. По самоотверженію или ошѣмѣнію, только скрипъ задвижекъ не вывелъ еще меня изъ размышленія, въ которое я былъ углубленъ, какъ Маріо быстро воротился, схватилъ меня желѣзною рукою, и потащилъ за собою въ переходъ, который снова осторожно заперъ. Я шелъ за нимъ безъ сопротивленія сквозь длинные корридоры, едва освѣщаемые лампою

Албанца его слуги. Мы сошли по ступенькамъ извивистыхъ лѣстницъ, перешли другія, пробѣжали мѣста болѣе просторныя и обвѣтренныя, но покрытыя; нѣсколько разъ переходили галереями, въ свое время великолѣпными и тогда еще украшенными по чернѣвшей позолотою, но уже издавна нежилыми, и наконецъ добрались до низенькаго выхода въ родѣ калитки, которая выходила на каналъ. Съ той и другой стороны слышался шумъ весель нашихъ друзей и крикъ, увѣдомляющій гондольщиковъ. Я вскочилъ въ гондолу Марію; и на вопросъ его, тихонько отвѣчалъ ему: — Въ гостинницѣ Королевы Англійской. Тамъ я занималъ квартиру. — Въ минуту нашей разлуки, онъ всталъ передо мною на корму судна, съ чувствомъ взялъ меня за руку, — это удивило меня въ человѣкѣ подобнаго характера, по крайней мѣрѣ судя объ немъ по заключеніямъ толпы.

Если вы не перемените своего расположенія, сказалъ онъ, и если въ самомъ дѣлѣ ничто васъ не удерживаетъ въ Вене-

ціи, гдѣ и свобода и жизнь ваша въ опасности, то мы скоро увидимся. Черезъ два мѣсяца въ день Святой Опорины, вы найдете меня въ придѣлѣ ей посвященномъ, въ приходской церкви Кодронно послѣ отпуща ранней обѣдни.

— Въ двадцать четыре часа я буду готовъ къ отъѣзду, зависящему совершенно отъ моей воли, но котораго нельзя мнѣ слишкомъ ускорить, какъ бы хотѣлось, сказала я; черезъ два мѣсяца, клянусь вѣрно прійти въ назначенный день, часъ и мѣсто, чтобъ тамъ услышать дальнѣйшія ваши приказанія, если только смерть не воспрепятствуетъ исполненію.

— И я тоже могу умереть, радостно возразилъ Марію, но и этотъ случай не нарушаетъ нашихъ обязательствъ. — Возми кусокъ этого орѣховаго прутика, разломаннаго мною въ Ложѣ, и иди куда поведетъ тебя особа, кто бы ни была она, которая представитъ тебѣ другой кусокъ.

Потомъ онъ обнялъ меня ; я сошелъ къ подъѣзду гостинницы , и гондола стрѣлой помчалась по каналу .

Свѣтъ , выходявшій изъ отверзтій ставней моихъ , далъ мнѣ знать , что кто-то дожидается меня въ моей комнатѣ . Я поспѣшно вошелъ , и какъ же изумился увидя Г. дѣ-Марсана ; не отъ того , чтобы этотъ полунощный часъ былъ предосудителенъ въ Венеціи , но потому , что не было ни малѣйшей причины такому важному пожилому человѣку въ такую пору посѣтить меня .

— Садись , сказалъ онъ , между тѣмъ какъ я пролетѣлъ нѣсколько несвязныхъ словъ , соберись съ духомъ , и отвѣчай мнѣ твердо и спокойно . Теперешній мой поступокъ , Максимъ , доказываетъ тебѣ какъ мнѣ нужно твоё вниманіе ; и если ты отдашь справедливость моей дружбѣ , то я надѣюсь получить нѣсколько правъ на твою искренность . Сперва я полагалъ что ты очень занятъ или уходишь куда , потому что

привыкъ тебѣ вѣрить, а знаю, что ты не увѣзжалъ изъ Венеціи. Открой мнѣ безъ оговорокъ, что именно удалило тебя отъ моего дома?

Я смутился, склонилъ голову на руки и не отвѣчалъ ему ни слова.

— Не боишься ли ты, продолжалъ онъ, что я перетолкую въ худую сторону твое молчаніе? — Отъ дружбы скрываютъ только однѣ постыдныя тайны.

Я вздрогнулъ. — Нѣтъ, нѣтъ, вскричалъ я, ничто постыдное еще не очернило моего сердца! но есть застѣнчивость иная, чѣмъ застѣнчивость добродѣтели; и признаніе безумной дерзости, которую я отъ всѣхъ утаилъ, и хотѣлъ бы утаить отъ самаго себя, — дорого, дорого стоитъ моему самолюбію. Однакожь вы требуете сего, продолжалъ я не поднимая глазъ, — то хотѣте пощадите заблужденіе сумазброда! —

Я любилъ Діану!

— Діана хороша, мудрено ли полюбить; да какую женщину запретятъ тебѣ любить? Ты ошибся только въ томъ, Максимъ, что покусившись занять ея сердце, не предупредилъ меня въ намѣреніи твоёмъ, Мое отеческое обращеніе съ тобою, стоило большей довѣренности, и признаюсь, я считалъ себя достойнымъ ея. — Ужели думаешь, что не употреблю всего, чтобъ уничтожить разстояніе раздѣляющее насъ во мнѣніи свѣта.

При началъ этихъ словъ я пришелъ въ себя. Осмѣлился смотрѣть на Г-на дѣ-Марсана.

— Занять ея сердце не предупредивши васъ о намѣреніи моемъ! . . . Ахъ! это могло бы статься съ дѣвушкой на которую бы люди смотрѣли какъ на равную мнѣ, и союзъ съ которою былъ бы радостію для родителей ея! Но прочь отъ меня мысль тронуть такое сердце, въ которомъ приличіе или гордость можетъ отказать! Признаніе мое никогда не

докучало Діанѣ словомъ, желаніемъ, вздохомъ; если она и жалуется на докучливость любви моей, то это потому что угадала ее. Сказать правду, ее не трудно было отгадать.

— И ты ей не признался въ любви своей! и ты не знаешь любить ли она, и не тебя ли именно любить? О, если бь она любила тебя! — Послушай, впрочемъ, теперь моя очередь, отплатить тебѣ за искренность искренностью. Не противорѣчь: я увѣренъ въ томъ! — Діана единственная дочь моя; люблю ее со всею горячію, какая только можетъ вмѣщаться въ сердце мужчины, хотя нравъ ея благородный и снисходительный, но угрюмый и строгой, мало услаждалъ меня тѣми радостями, въ которыхъ отцы находятъ свое счастье. Со дня ея рожденія вся жизнь моя протекла въ мечтаніи устроить ее приличнымъ образомъ; и не взирая на посредственное состояніе и временное униженіе моего званія, много представлялось ей значительныхъ партій, которымъ позавидовали

бы извѣстнѣйшіе дома въ Италіи. Діана всё отвергла. Самыя блестящія отличія, рѣдкія добродѣтели, нѣжнѣйшія угожденія не могли преодолѣть упорства этого дикаго своенравія, которое я никакъ не умѣю изъяснить, и которое губить въ ней всё мои лучшія надежды на старости лѣтъ. Признаюсь, тутъ есть непроницаемая тайна, которая пугаетъ меня.

— Пойдите, батюшка, сказалъ я, и позвольте мнѣ въ свою очередь спросить васъ, непременно должно освѣтить ваши сомнѣнія и разсѣять безпокойство. Точно ли вы увѣрены, что ея нѣжность безъ вѣдома вашего не принадлежитъ человѣку, который имѣетъ причины скрывать себя, или предложеніе котораго быть можетъ вы и сами отвергли?

— Подобная догадка нѣсколько разъ уже мелькала въ моей головѣ, заботливо отвѣчалъ Г. дѣ-Марсанъ; но обстоятельство, которое ты предполагаешь, случилось только одинъ разъ; я почелъ долгомъ скрыть

его отъ Діаны, за тѣмъ чтобъ пощадить въ ней чувство отвращенія и ужаса которые могли быть пагубны ея спокойствію. Суди по одному имени того, кто дерзнулъ

— Не хочу знать его имя, и чувствую, по кипѣнію крови моей, что безъ опасности для одного изъ двухъ, я не могу узнать его! Однако что вы скажете, великодушный другъ мой, — сердце женщинъ переполнено непостижимыми загадками, ну что вы скажете, если недостойный, съ презрѣніемъ отвергнутый вами, именно тотъ ею избранный любимецъ?

— Что я скажу! яростно вскричалъ Г. дё-Марсанъ вставая со стула, — я скажу: — дочь преступница, будь проклята навсегда, пусть мщеніе и гнѣвъ Божій преслѣдуютъ тебя, какъ коршунъ свою добычу! Чтобы весь остатокъ дней твоихъ протекъ въ одиночествѣ и смертельныхъ угрызеніяхъ! Чтобы насущный хлѣбъ людей обратился въ камень для тебя!

Я прервалъ закрывъ рукой его уста, и прижавъ другою къ моему сердцу.

— Другъ мой, пусть небо перехватитъ это ужасное проклятіе между вами и Діаною, и скорѣе обрушитъ на мою голову, которая съ самаго дѣтства обречена всѣмъ испытаніямъ и всѣмъ бѣдствіямъ! Кажется предположеніе мое совсѣмъ не вѣроятно, и мнѣ больно, что я указалъ на его и раздражилъ васъ до такой степени. — Остается только узнать, возразилъ я улыбувшись, стараясь между тѣмъ разсѣять его смущеніе, сколько на мою долю вы отложили вашихъ домашнихъ огорченій, и что побудило васъ требовать отъ слабаго, по невиннаго сердца, такого унижительнаго признанія какъ мое?

Г. дё-Марсанъ успокоился. — Я замѣчалъ твою любовь къ Діанѣ, и по словамъ твоимъ, не ошибся. Полагаю, что и она полюбитъ тебя, быть можетъ потому что мнѣ этого хочется — мое счастье неразлучно съ твоимъ. Ея отказы я принисы-

валъ чувству тобой внушенному; молчаніе твое относилъ къ застѣнчивости въжливой и недовѣрчивой, и это-то пустое препятствіе, я однимъ словомъ надѣялся уничтожить. Будь моимъ сыномъ по крови, сказалъ бы я тебѣ, какъ ты уже сынъ мнѣ по дружбѣ! Вотъ всё чего я хотѣлъ. Дѣла наши нисколько не подвинулись впередъ, но я все таки не отчаиваюсь. Въ твоёмъ последнемъ письмѣ ты упреждалъ меня о намѣреніи уѣхать послѣ завтра. Въ томъ нѣтъ бѣды если я ошибаюсь въ расположеніи Діаны, иначе мученія увеличатся отъ обманутой надежды; а съ другой стороны, общество въ которомъ ты привыкъ жить, покрайней мѣрѣ съ тѣхъ поръ какъ отсталъ отъ меня, въ настоящее время не очень благопріятствуетъ молодому человѣку, котораго подозрѣваетъ правительство. И такъ, завтра, приходи отобѣдать вмѣстѣ со мною и Діаною. Я настоятельно требую чтобъ ты открылся ей, отъ этого зависитъ наша общая участь. Кто знаетъ, быть можетъ съ наступающимъ днемъ, солнце благопріятнѣе будетъ свѣтить мнѣ?

— Напрасно! отвѣчалъ я между тѣмъ какъ онъ взялъ меня за руку идя къ своей гондолѣ, этотъ поступокъ не предвѣщаетъ мнѣ ничего хорошаго, — но если непременно онъ долженъ меня убѣдить въ моей неудачѣ, то надѣюсь покрайней мѣрѣ дѣвицѣ дѣ-Марсанъ внушить столько уваженія и довѣренности, чтобъ узнать тайну до васъ касающуюся, и при разлукѣ нашей, возстановить спокойствіе потерянное вами. Что жъ касается до собственной моей участи, — давно уже отрекся я отъ сладкихъ надеждъ, и прежніе опыты приучили меня къ самоотверженію. Впрочемъ, каковъ бы ни былъ мой удѣлъ, никогда не перемѣнитъ онъ моей признательности къ вамъ; я вѣчно сохраню названіе сына, данное мнѣ вами.

Не за чѣмъ говорить что вся эта ночь протекла въ чудныхъ волненіяхъ; — надежда такъ слабо мелькала въ мечтаніяхъ моихъ, что къ разсвѣту я кончилъ распоряженіе къ отъѣзду на слѣдующій день, съ спокойствіемъ безстрастнаго человѣка,

рѣшимость котораго не опасается уже никакихъ превратностей. Наконецъ я пришелъ къ Г. дѣ-Марсану, въ домѣ котораго все блистало праздничнымъ торжествомъ, — добрѣйшій старикъ хотѣлъ видѣть въ этомъ прощаніи, приближеніе счастливаго событія, долженствовавшаго сроднить меня съ Венеціей, и несомнѣнность его самонадѣяннаго легковѣрія, сквозившая въ его взглядахъ, вмѣстѣ и ободряла и приводила меня въ отчаяніе. Я взглянулъ на Діану; ея глаза не перемѣнили своего выраженія, — я никогда не ошибался въ признакахъ любви, потому что самъ любилъ! Нѣтъ нужды быть много разъ несчастливу, чтобъ научиться читать сердце женщины, даже самая скрытная, самая искусная изъ нихъ, не могла бы меня обмануть на счетъ своихъ тайныхъ впечатлѣній; но отвращеніе Діаны такъ видимо, такъ тяжело, какъ будто свинецъ на груди моей. Однакожь за столомъ меня посадили возлѣ нее. Я дрожалъ, — но къ ней не оборачивался.

Гостей было много. Разговоръ какъ и

всегда въ Венеціи, какъ и вездѣ, — быть летучая мѣна неважныхъ новостей. — Кипрское еще больше оживило его.

— Что это за новое покушеніе, сказалъ одинъ изъ *сильоровъ*, встревожившее вчера весь городъ? говорятъ что гарнизонъ и сыщики всю ночь простояли.

— Неужли, отвѣчала другой, вы не знаете? заговоръ бродягъ, большею частію изъ иностранцевъ, намѣревавшихся перерѣзать Французовъ и перемѣнить правленіе.

— Право, прервалъ Г. дѣ-Марсанъ, пусть ихъ хлопчуть, предусмотрительность ихъ доказана, и народы не могутъ избрать болѣе достойныхъ законодателей! До которыхъ поръ еще продлится такое сумасбродство?

— Къ счастью, возразилъ второй, это такъ ничтожно, что горсть солдатовъ разсѣяла эту толпу.

— Чего хотятъ еще эти несчастные? —
Разрушенный умыселъ ихъ не послужитъ
ли къ новому гоненію противъ привержен-
цевъ древней династіи Французской?

— Ни мало! дѣло шло о Венеціи и
ея республикѣ. Знаете ли вы, еслибъ они
успѣли, то сегодня бы мы проснулись подъ
милосердымъ правленіемъ Маріо Чинчи До-
жа Венеціи?

— Маріо Чинчи! воскликнули всѣ го-
сти.

— Маріо Чинчи! повторилъ Г. де-
Марсанъ крѣпко сжавъ черень своего пожа.

— Онъ кумирь народа, прибавилъ дру-
гой старикъ, и это заставляетъ бояться бу-
дущаго.

— Будьте спокойны! бродяги взяли
такія удивительныя предосторожности что
ни одинъ изъ нихъ не пойманъ; но точно
извѣстно что Маріо не былъ между ими,

вѣдь онъ рѣдко подвергается такимъ опасностямъ, на которыя употребляютъ этихъ несчастныхъ, для него ихъ жизнь, — пустая игрушка. Между тѣмъ какъ за него дѣйствуютъ, онъ запирается въ свою *Торра Маладета* на Тагламентѣ, къ ужасу путешественниковъ, вѣроятно за тѣмъ чтобы тамъ чеканить фальшивую монету и готовить яды, какъ и все его отцеубійственное поколѣніе.

— Неправда! вскричалъ я вставая, все это страшная ложь! Кто сообщилъ вамъ эти вѣсти, тотъ гнусный клеветникъ, въ тысячу кратъ виновнѣе наемнаго злодѣя, который ненависти негодлеву продаетъ и душу свою и кинжалъ! Именно, Маріо Чинчи и разстроилъ умыселъ этихъ ужасныхъ Венеціанскихъ ночныхъ сборищъ. Не великихъ трудовъ стоило солдатамъ разсѣять заговорщиковъ; кто не знаетъ теперь, что они бродили по пустому замку, гдѣ развѣ могли испугаться только вторившагося гула собственныхъ шаговъ! — Градоначальникъ Венеціи, къ которому сегодня

утромъ являлся я по случаю отъѣзда моего, видить въ этомъ заговорѣ только то, что въ немъ и было, — низкое своекорыстіе нѣсколькихъ шпионовъ, разглашающихъ о преступленіяхъ, за тѣмъ чтобъ выказать свои услуги и привлечь награды — премію лжи, и милостыню полиціи. — Чтожь касается до Маріо Чинчи, то не знаю какой проступокъ юности его, обрушилъ на него такое общее *отверженіе*; однако, признаюсь, не вѣрю безразсудной ненависти толпы, столько же какъ и слѣпому гнѣву слѣпой судьбы. Все, что я знаю объ немъ, показываетъ его великодушнѣйшимъ человѣкомъ. Отъ несправедливости мнѣнія, его преслѣдующаго, онъ кажется еще выше въ глазахъ моихъ, и въ минуту моего вѣчнаго прощанія, я долженъ предупредить васъ, милостивые государи, что этотъ разговоръ не можетъ продолжаться не производя въ моемъ сердцѣ движеній, которыхъ я желалъ бы избѣжать. — Дѣло Маріо Чинчи, есть мое собственное дѣло: и какой другъ вытерпитъ безъ трепета и отмщенія укоры его отсутствующему другу? Спрашиваю васъ Венеціанс!

— Твоему другу? сказалъ Г. дѣ-Марсанъ. Ты знакомъ съ Маріо? . . .

— Я только разъ видѣлъ его; — пять минутъ его голосъ касался моего слуха — и я уже почувствовалъ къ нему сильное влеченіе, а влеченіе никогда еще меня не обманывало.

— Никогда я не видалъ тебя въ такомъ изступленіи, продолжалъ онъ подходя ко мнѣ, когда общій разговоръ прекратился, и гости, не думая возобновлять прежнихъ рѣчей, разошлись по огромной залѣ. — Конечно, я не могу порицать, прибавилъ Г. дѣ-Марсанъ, заблужденій сердца безразсудно привязаннаго, которое вовсе не обдумавъ беретъ участіе въ ссорѣ за отсутствующихъ. Опытъ скоро покажетъ тебѣ, что никакъ не должно, въ сужденіи при первой встрѣчѣ, полагаться на значительность вида, хотя бы то былъ, какъ Маріо, ростомъ съ Антел, боровшагося съ съ Геркулесомъ. — Воображеніе обманываетъ сердце. Больше не стану говорить,

хотя эта страстная вспышка жестоко измучила меня. Впрочемъ, еще нѣчто осталось между нами, и живое участіе, сегодня тебѣ изъявленное Діаной, кажется предвѣщать, что этотъ случай самый благопріятный и мое предвидѣніе очень справедливо. Пожалуста проводи её къ ней, и не забудь, что отъ тебя я жду моего приговора!

Въ самой вещи, признаюсь, — я едва примѣтилъ себя, такъ то считалъ себя безнадежнымъ въ этомъ ожиданіи. Діана, которая въ одно время со мною встала съ своего мѣста и взяла меня за руку, — и какъ только я могъ судить не взглядывая, — голова ея склонилась на мое плечо, почти коснулась его. Я обернулся къ ней, — блѣдна какъ полотно; — пожалъ эту дрожащую руку; — проводилъ Діану въ ея комнаты, посадилъ её, больше расположенный покинуть нежели тревожить бесполезнымъ присутствіемъ. Хочу уйти — не пускаетъ; — я сѣлъ. Нѣсколько времени мы молчали; но ея пальцы тѣсно соединенные съ моими,

— пожатіе которыхъ я готовъ былъ кунить цѣною жизни, — были влажны и холодны; — не зналъ чему приписать ея трепеть: отчаянію или радости; — это продолжалось нѣсколько минутъ, эти страшныя минуты — вы испытали ихъ — усугубляютъ смятенія и безпокойства любви. Наконецъ заговорила.

— Максимъ, сказала она, какъ я люблю тебя!

— Бойтесь! вскричалъ я, эти слова для меня ужасны — развѣ вы не предвидите ихъ слѣдствій? . . . Быть можетъ Диана не знаетъ что я пришелъ просить руки ея, обѣщанной отцемъ

Она встала, прошла мимо меня, сложивъ руки накрестъ, повѣся голову, едва переводя духъ. — Остановилась; оперлась своими руками на плеча мои, обняла меня за шею, и сказала голосомъ, который замеръ на моей щекѣ: — Бѣдный Максимъ! и такъ другъ Маріо Чинчи, съ жаромъ за-

щищавшій его, еще не знаетъ его тайны?

Я не отвѣчалъ: — повязка упала съ глазъ моихъ; но я не всё еще отгадалъ.

— Еслибъ не это, продолжала она, стала ли бы я оскорблять привязанность добраго и достойнаго человѣка? . . . Было бы безбожно поступать такъ не любя! но я любила Марію, ты видишь! . . . онъ былъ душа и жизнь моя! . . . онъ уже владѣль ими, и любовь твоя ко мнѣ ужасно меня огорчала, я не могла отвѣчать тебѣ. Правъ и обращеніе мое съ тобой должны были сдѣлать меня ненавистною и отдалить Я горько льстилаась этимъ; подумай чего мнѣ это стоило, мнѣ Максимъ, которая съ перваго взгляда тебя полюбила какъ брата, и охотно отдала бы тебѣ сердце, если бъ имѣла два! . . . Простишь-ли? . . .

Нѣсколько минутъ я не говорилъ ни слова и даже не смотрѣлъ на нее, — потомъ взглянулъ.

Она плакала. Я цѣловалъ ея трепещущія руки, щеки, ея влажные глаза, и смѣшалъ слезы мои съ ея слезами.

— Ты любишь Маріо, Діана! — достойный выборъ! да благословитъ васъ небо!

— Люблю его, говоришь ты! . . . съ чувствомъ она возразила. Дѣло несравненно дальше чѣмъ ты думаешь: — я жена его! . . .

— Жена! а отецъ вашъ, сударыня, подумали-ли вы объ немъ? . . .

Она опустила вѣки какъ бы стыдясь дать мнѣ прочесть въ душѣ своей.

— Отецъ мой! .. единственный отецъ! . . . Боже! цѣною дней моихъ продли его дни! цѣною счастья моего укрась ихъ! . . . Но когда Маріо, простершись передъ нимъ, искалъ дороги къ его сердцу: — ей быть твоей женою! сказалъ отецъ мой; пусть

лучше умереть. Да! я умру для него какъ онъ желалъ, — но Маріо уведетъ меня живую.

— Разсудокъ твой затмился Діана! . . .
Что ты говоришь?

— Что я говорю — будущее объяснить; не вини мою волю. Она больше не моя. Добрый Максимъ! вспоминай обо мнѣ, вспоминай сурово, если хочешь, но только пусть хоть немножко твоей дружбы усладить мои горести И если жизнь моя еще нѣсколько занимаетъ тебя, не бойся, другъ мой, что располагаю ею не по твоему желанію.

— Теперь наступилъ часъ, въ которой должно Готова ли ты Анна?

Горничная вошла и стала возлѣ нее.

— Максимъ! отецъ мой ждетъ тебя; поди, скажи ему, что ты проводишь меня до гондолы.

Едва я отперъ дверь, — онъ встрѣтилъ меня съ огненнымъ нетерпѣніемъ, устремивъ глаза; — я упалъ къ ногамъ его.

— Другъ мой! заклинаю васъ благополучіемъ Діаны и вашимъ собственнымъ, бросьте несправедливое предубѣжденіе противъ благороднаго Маріо Чинчи! и если хотите спасти жизнь вашей дочери, то вотъ ей супругъ! . . .

— Маріо Чинчи! яростно вскричалъ старикъ, съ жестокостью оттолкнувъ меня Пусть она идетъ за него! Еще отцеубійство въ семействѣ Чинчи! Беатриса и Діана!

Скорыми шагами онъ ходилъ по комнатѣ и волочилъ меня за собою, потому что руками я обнималъ его колѣна.

Вдругъ остановился — закричалъ мнѣ: — прочь измѣнникъ! Минуту спустя онъ съ сожалѣніемъ посмотрѣлъ на меня. — Поди, сказалъ онъ тише, подавая мнѣ объ

руки, чтобы поднять меня, поди бѣдное дитя! и чтобъ я больше никогда не слышалъ о тѣхъ кого любилъ, — при концѣ ветхихъ дней моихъ мнѣ нужно спокойствіе и одиночество.

Я воротился къ Діанѣ; молча подаль ей руку, — она также ни полслова; въ смятеніи я оставилъ дверь полуотворенною — вѣроятно она всё слышала.

Прощаясь съ нею на ея гондолѣ, я хотѣлъ поцѣловать ея руку — она отняла её и бросилась въ мои объятія. — Еще минута и — я одинъ.

Долго, долго я слѣдилъ глазами за гондолой Діаны, — между множествомъ другихъ я распознавалъ её изъ дали, — въ этотъ день, противъ обыкновенія, она была украшена связкой развѣвавшихся багряныхъ лентъ.

Напрасно въ тотъ вечеръ я ходилъ къ Г-ну дѣ-Марсану. Онъ не принималъ никого.

На разсвѣтъ, въ пасмурный и холодный январьскій день 1809, маленькое судно, на которомъ я отправился въ Триестъ, пустилось изъ залива въ открытое море, бурное и сильно волновавшееся, — ночь была ненастная. Нашъ кормчій окликалъ нѣсколько встрѣчныхъ судовъ, которые, казалось, вытаскивали на отмѣль островка потонувшую гондолу.

— Не погибъ ли кто нибудь? вскричали съ нашего борта. . . .

— Должно полагать такъ, отвѣчалъ нѣкто; — но вѣроятно трупы унесены волною, ихъ нѣтъ на берегу. Эта гондола безъ знака и безъ имени, отличалась отъ прочихъ только вотъ этой связкой лентъ.

Я схватилъ ее — привязалъ къ рубашкѣ и упалъ безъ чувствъ. Долго не могъ я прійти въ себя.

На другой день я былъ въ Триестъ.

Т Р І Е С Т Ъ.

Т Р І Е С Т Ъ.

Въ слабыхъ сочиненіяхъ моихъ всего больше я боюсь выказать требованіе на изобрѣтательность, и причина самая простая: это совсѣмъ не мой талантъ; я это лучше другихъ знаю, когда принужденъ работать воображеніемъ. Иное дѣло мои воспоминанія: — они могутъ быть болѣе или менѣе романическими на взглядъ, болѣе или менѣе восторженными съ примѣсю иперболы въ словахъ и драмы въ распо-

ложеніи; но это грѣхъ устройства чувствъ моихъ, а не искренности. Не могу не повторять, что это относится къ несчастію художника, который видитъ черное, видитъ желтое, зеленое, видитъ небо свинцовое, море аспидное, зелень бархатную, и списываетъ все какъ видитъ. Это не то что — «хорошо писать,» которое, по словамъ Поле, есть прекраснѣйшій изъ всѣхъ даровъ природы; это значить — «хорошо видѣть,» но я никогда этимъ не польстилъ себѣ. Впрочемъ не надо много заботиться на счетъ безпечнаго хотя и остроумнаго читателя, который, выглядывая изъ за угла своего просвѣщенія, говоритъ: *вотъ истинное, правдоподобное и ложное*, — говоря о происшествіи давнишнемъ или исключительной эпохѣ, на которую, съ участіемъ собственной жизни и страстями своего возраста, онъ самъ бы иначе смотрѣлъ за двадцать пять лѣтъ. Въ началѣ 1809 люди, подобные мнѣ, не сидѣли полудремлющими зрителями на скамейкахъ, холодно мигая глазами на дѣйствіе пока занавѣсъ опустится. Это были, — такова потребность

времени и нравовъ, — или актеры, слишкомъ заняты своею драматическою важною, или комедіанты, искусно рассчитывающіе прибыль. — Любимыхъ моихъ актеровъ не стало: комедіанты тамъ еще. *Plaudite, cives!*

Не то хотѣлъ я говорить; этотъ эпизодъ не привлекательнѣе того, который вы уже прочли. Это обыкновенныя произшествія, связывающія объ крайности моей трилогіи, едва примѣтными, но очень существенными отношеніями, и которые не были бы чужды нѣкоторой заслуги соображенія и искусства, если бъ только искусство и соображеніе было въ томъ, что я пишу. — Тутъ ни слова о сумасбродной любви моей, — которая, какъ вы сами знаете, была безуспѣшна. Не увидите въ немъ знакомыхъ лицъ, а познакомитесь съ новыми, вѣроятно извѣстными по наслышкѣ; но очеркъ этихъ лицъ достоинъ исторіи; — исторія до сихъ поръ почтила ихъ только короткими и холодными отмѣтками, неудовлетворительными для ума

пропицательнаго. Въ эту-то галерею я поведу васъ, тамъ я только исполню долгъ отчетливаго чичероне; ничтожная моя роль между ими, не позволяетъ мнѣ другаго мѣста.

Теперь хочу вамъ припомнить одну особенность моего перваго рассказа. По прїѣздѣ въ Тріестъ, я былъ увѣренъ, что Діана дѣ-Марсанъ стала жертвою кораблекрушенія или самоубійства. Записка перевязанная алою лентою, точно такую же какъ и на гондолѣ ся, которую кормчій отдалъ миѣ во время выхода моего на берегъ, вывела меня изъ этой смертельной неизвѣстности. Она была безъ подписи, и хотя я совсѣмъ не зналъ почерка Діаны, но никто не могъ кромѣ ея такъ написать. Переносу сюда ея собственныя слова: — »не тужи Максимъ, въ случаѣ какой нибудь молвы: сердце, которое ты наполнилъ признательностью и дружбою, еще бьется для тебя. Сердце, надобно сказать два, — тебя просятъ не забыть ни о свиданіи, ни о церквѣ, ни

» о знакъ, — и я беру большое участіе въ
» исполненіи твоего обѣщанія, искренно
» желая сама тебя увидѣть. «

Такимъ образомъ всё объявлено. Свиданіе, мнѣ назначенное, есть безъ сомнѣнія то, которое должно меня соединить съ Маріо Чинчи въ церковь Кадронно, въ придѣль Святой Онорины. — Сомнѣнія мои исчезли, и я только желалъ успокоиться отъ волненій прошедшихъ, въ сладостномъ занятіи науками, — однимъ изъ первыхъ моихъ удовольствій.

Не такъ-то это было легко въ Триестѣ, гдѣ партія Германская и партія торжествующая раздѣляли весь умы и весь разговоры; но по случаю очень примѣчательному, эмигранты Французы, не считались тамъ подозрительными. Люди этого званія, помѣстившіеся въ этой неподобной странѣ, такъ легко освоивались съ ней, что день ото дня болѣе и болѣе забывали прежнія свои титулы. Одинъ изъ нашихъ блистательныхъ Маркизовъ осно-

валъ тамъ обширный торговый домъ, пріобрѣвній Европейскую извѣстность. Лучшую гостиницу въ городъ занималъ монахъ, любезный и ученый Аббать Морисъ Трофимъ Рейръ, такъ и другіе.

Не смотря на короткое пребываніе мое въ Триестъ, мнѣ надлежало сдѣлать выборъ между двумя совершенно различными обществами моихъ соотечественниковъ, — обществомъ *Назони* и *Гобби*; — эти обидные названія, вѣроятно происшедшіе отъ какихъ либо физическихъ недостатковъ, двухъ главныхъ особъ того и другаго мнѣнія, непреодолимо разлучали нашихъ путешественниковъ, эмигрантовъ и даже изгнанниковъ, — такъ-то справедливо, что люди умные, созданные для дружбы, всездѣ находятъ удивительныя причины къ взаимной ненависти! А какъ мнѣ не хотѣлось ссориться ни съ кѣмъ, то я и держалъ себя не то что въ срединѣ, — а эксцентрически — между обѣими мнѣніями, и скрылся не замѣченный, въ самую простую гостиницу въ отдаленной

части города, занимаемой жидами, и которую посѣщали только крестьяне и незначительные купцы; мнѣ нравилось такое удачное уединеніе посреди равнодушной толпы.

Первое мое желаніе было начать отсюда мои разъѣзды, разкрашенные воображеніемъ, по пѣитическимъ селеніямъ Морлаковъ, къ первобытнымъ поколѣніямъ Монтегегра, развалинамъ Солона, Епидавра и Макарія. Но связь моя съ Маріо не позволила мнѣ этого продолжительнаго путешествія. И такъ я посѣтилъ только мѣста, близкія къ моему изгнанническому пристанищу, остатки Акилеи, знаменитые обломки Пемы, чудеса природныя Циршница, фантастическія руды Идрія, и тѣ пѣминальныя древности, которыхъ памятникъ — преданіе, — берегъ Савы, гдѣ, говорятъ; остались слѣды ногъ Кастора и Полукса, мѣсто, гдѣ Язонъ положилъ первый камень юному городу своему Емонъ, скалу, откуда говорилъ Япиксъ, и циркъ Діомеда.

Дни тамошняго пребыванія моего я проводилъ бродя въ *Фарнедо*, обширной роуцъ, замѣнявшей мѣсто гулянья въ Триестъ, прежде нежели его умный и осмотрительный правитель, Люцій Арнольтъ, открылъ новыя великолѣпныя, блистательныя, болѣе Французскія гулянья, ближе къ городу и пристани, но которыя никогда не напомнятъ мнѣ тѣхъ сладкихъ думъ и нѣжныхъ впечатлѣній. Этотъ *Фарнедо*, — лѣсъ натуралиста, поэта и влюбленнаго. Въ началъ моего перемѣщенія, время неблагопріятствовало наслажденію; но подь конецъ оно украсилось всѣми прелестями. Весна едва лишь оказала первыя свои ласки *Фарнедо*; но то была весна *Фарнедо*, — въ которомъ всё ожило, помолодѣло и заблестало: женщины, цвѣты, бабочки; — въ которомъ на этотъ разъ, для большей романической привлекательности, водились и разбойники и опасности. Не знаю, бываль ли я когда ѣлибудь счастливецъ тамошняго пребыванія, подь покровительствомъ нашихъ правителей, нашихъ войскъ и нашихъ пушекъ.

За столомъ въ гостинницѣ, за который, по возвращеніи, каждый вечеръ я сядилъ — не было ни пищи ни разговору; и я восхищался. Собесѣдники, обыкновенно, были люди предостойные, погруженные въ свои дѣла, покинувшіе меня въ покоѣ наслаждаться блаженствомъ бездѣйствія, и были такъ милы, что при мнѣ изъяснялись на одномъ изъ пятидесяти нарѣчій Славянскихъ, или однимъ изъ пятидесяти деревенскихъ выраженій, еще больше недоступныхъ моему понятію, по Фріольски, Тирольски и Баварски. Однако ежедневное возобновленіе такихъ сношеній на послѣдокъ должно было утвердить между мною и нѣкоторыми изъ моихъ застольныхъ знакомцевъ, родъ пріязни. Тутъ нашлись двое, которые впрочемъ очень легко объяснялись по Французски, и были несравненно свѣдущее меня въ технику физическихъ наукъ, — главный предметъ моего ученія и пристрастія. — Мы скоро познакомились.

Первый былъ извѣстенъ въ Триестѣ

подъ именемъ доктора Фабриція, хотя я слышалъ, что его зовутъ совсѣмъ иначе. Во вѣншей жизни своей онъ пріобрѣлъ себѣ большую славу медицинскимъ искусствомъ, основаннымъ на странныхъ теоріяхъ, сильно опровергаемыхъ людьми, выдавшими себя за знатоковъ этой науки ипотезъ, на которыхъ онъ мало обращалъ вниманія. —

Другой, былъ молодой Полякъ, называвшійся Іосифомъ Сольбіоскимъ, а не Сольбіескимъ какъ говорятъ біографы. — Умъ и сердце Іосифовы были одарены всѣмъ, могущимъ увлечь душу, и не такъ привязчивую какъ моя, которая только и жаждала чтобъ любить кого нибудь. — Я тотчасъ полюбилъ его. Мы были почти однихъ лѣтъ; — что любилъ я, то правилось и ему; что зналъ я, онъ зналъ лучше. Я былъ выше и сильнѣе его; зато онъ тише, умнѣе и красивѣе. Отсюда родятся неразрывныя симпатіи. — Я не предполагалъ въ немъ несходства его

политическихъ мнѣній съ моими; но мнѣніе — бездѣлица въ любви!

Боясь огорчить другъ друга спорами, мы очень удерживались отъ политическихъ разговоровъ, которыми тогда рѣшительно всё занимались, и я такъ былъ доволенъ единомысліемъ нашимъ во всемъ другомъ, соединявшемъ насъ тѣснѣйшею дружбою, что ни мало не считалъ за важное соглашать наши мнѣнія и въ политикѣ — даже и не заботился о томъ. Іосифъ Сольбіоскій заслужилъ въ Германіи историческую славу, молва которой вѣроятно не дошла еще до васъ, — конечно вы простите мнѣ если я войду о немъ въ нѣкоторыя подробности при началѣ сказа, въ которомъ онъ почти не покидаетъ меня. Однако сперва начну другимъ.

Доктору Фабрицію было около семидесяти лѣтъ; но онъ былъ изъ числа тѣхъ стариковъ цвѣтущихъ душою и воображеніемъ, которые жаромъ своимъ и живостію плѣняютъ умы юношей. Всего ра-

зительнѣе въ его чудной фizioноміи — отпечатокъ слишкомъ рѣзкій, не имѣющій въ себѣ ничего Нѣмецкаго; — станъ его пріятный, тонкій, скорѣе походилъ на что то Андалузское или Мавританское. Костливая и смуглая худоба, почти насквозь показывала непрерывную и страстную игру его мускуловъ; пронзительная острота его горящихъ, бѣгучихъ глазъ, которыхъ зрачекъ былъ уголь, а взглядъ — стрѣла; чудное свойство его волосъ еще совсемъ черныхъ, которые, при малѣйшей морщинѣ лба, сами собой становились дыбомъ, — всё это необычайное вмѣстѣ, давало ему очеркъ орлиный. — Мало слышалъ я людей такъ плодовитыхъ на слова; но его плодовитость полная, выдержанная, игривая даже въ самомъ многорѣчии, отъ избытка въ богатствѣ, изливалась эпизодами и фигурами, и прельщала не истощаясь. Человѣкъ такимъ образомъ устроенный не могъ быть чуждъ великому броженію умовъ, двигавшему тогда всю Европу; но онъ съ замѣтнымъ стараніемъ воздерживался отъ всѣхъ разговоровъ, которые невольно мо-

гли бы привести къ подобнымъ мыслямъ. Господствующее его настроеніе, казалось, была изступленная восторженность, дышавшая Сведенборгомъ, Сент-Мартиномъ, и быть можетъ Вейсгауптомъ; впрочемъ его исключительное пристрастіе къ книгамъ Арндта и къ нѣкоторымъ философамъ *Тугендбундистамъ*, открывало въ немъ глубокую склонность къ независимости.

Докторъ остановился въ Триестѣ затѣмъ только, чтобъ привести въ порядокъ дѣла свои съ повѣренными, которымъ поручилъ въ полное распоряженіе земли и имущество свое; онъ слылъ богачемъ, чего однакожь никакъ нельзя было заключать по умѣренности его издержекъ и простотѣ нравовъ. И такъ ни мало не удивительны его частыя сношенія съ путешественниками, прѣзжавшими для него не надолго. Если бы тогда я ихъ разгадалъ, то у меня было довольно времени наблюдать ихъ; и я живо бы сохранилъ всѣхъ въ моей памяти; но вѣдь я уже предупредилъ

что никакое политическое соприкоснове-
ніе не вмѣшивалось между мною и моими
новыми друзьями. Эти чужестранцы еже-
дневно одинъ за другимъ появляшіеся
были: Кольбъ, Мальбергъ, Пелопиды, Тра-
зибулы Тирольскіе; храбрые братья Во-
одели, разстрѣлянные послѣ въ Везель
18-го Сентября того же года; содержатель
гостинницы Андрей Говеръ, котораго я за-
мѣтилъ болѣе прочихъ, потому что часто
слышалъ про него у Маркиза Шастелера
по случаю происшедшій 1808 года; и онъ
былъ тогда такъ извѣстенъ, что впечат-
лѣнія имъ оставленныя во мнѣ, не сооб-
щили бы ничего читателю, если бъ не
были отличны нѣсколько отъ тѣхъ, кото-
рые онъ могъ заимствовать изъ исторіи.
Знаменитость и тѣхъ и другихъ дошла
впрочемъ до апогея только мѣсяць спу-
стя послѣ перехода Андрея Говера въ Три-
естъ, то есть, послѣ побѣды одержанной
крестьянами, которую Тироль воспомина-
етъ торжественнымъ годовымъ праздни-
комъ 29-го Февраля.

Ни мало не удивительно если Андрей Говеръ въ качествѣ своего званія, занималъ обширную повѣренность въ дѣлахъ, по обычаю Тирольцевъ, и имѣлъ сношенія и общія выгоды съ такимъ богатымъ владѣльцемъ, каковъ докторъ Фабрицій. — Чтожь касается до участія принимаемаго Юсифомъ Сольбіоскямъ въ ихъ тайныхъ совѣщаніяхъ, не трудно объяснить его, Юсифъ готовился быть скоро зятемъ доктора, — уже и невѣсту ждали.

Изъ всѣхъ знаменитыхъ мужей этого послѣдняго времени, Нѣмцы всего пламеннѣе занимались Андреемъ Говеромъ, и справедливость требуетъ сказать, что дѣйствительно никто такъ достойно не оправдалъ ихъ энтузіазма; добродѣтели и благочестіе Андрея Говера прославили его *Тирольскимъ Святымъ*. Какъ Кателино за пятнадцать лѣтъ прежде, былъ прозванъ *Святымъ въ Анжусу*, и никто лучше Андрея Говера не сходствовалъ по моему, съ тѣмъ образомъ Кателино, какой я нарисовалъ себѣ. Однакожь это мнѣніе составилось уже въ по-

слѣдствіи на самыхъ легкихъ и скользкихъ впечатлѣніяхъ, я видѣлъ Андрея Говера въ продолженіе двухъ сутокъ и не говорилъ съ нимъ по той причинѣ, что онъ очень мало зналъ по Итальянски, а по Французски вовсе не разумѣлъ. Свѣжее впечатлѣніе его первой исторической роли, и та, которую занималъ онъ въ происшествіяхъ Германіи, пособила моему уму передѣлать типъ физическій и нравственный точно съ такою же живостию, какъ будто я ни на минуту не терялъ изъ виду образца; я его также хорошо понималъ какъ и тѣ, которые его прежде меня описывали; но не хочу навлекать себѣ упрека въ самонадѣянности, желаніемъ, послѣ многихъ попытокъ, еще разъ обрисовать это сильное и простодушное лице. — И такъ я только по собственному ощущенію и воспоминанію просто повторю о немъ то, что уже было говорено.

Всѣ нынѣшніе Нѣмцы уже согласно подтвердили что Андрей Говеръ имѣлъ чрезмѣрный станъ полу-Бога. Это потреб-

ность народовъ шитовъ изображать такимъ образомъ героевъ, а Германія усвоила себѣ всю поэзію первобытнаго народа, такъ точно, какъ и прежнее величіе его вполнѣ. Да! это превосходный народъ! — Андрей Говеръ ростомъ былъ высокъ, но не выше обыкновенныхъ горцевъ. Только необычайное развитіе его мускуловъ и костей, обнаруживали въ немъ какъ говорятъ, нѣчто атлетическое. — Сложеніе его имѣло размѣры столь сильныя, что могло казаться чудомъ. Онъ уже подвигался къ Меридіану людей воздержныхъ; хорошаго сложенія, а можетъ и было за сорокъ; но онъ казался гораздо старше, не отъ изнеможенія, которое бываетъ слѣдствіемъ страстныхъ движеній и сильныхъ напряженій ума; — не было физіономіи тише и спокойнѣе его. Онъ, какъ и всѣ Алпійскіе крестьяне, имѣлъ привычку склонять на грудь свою огромную голову, не занимаясь тою благородною перисидикулярностью, которая отличаетъ нашъ полъ. Замѣчено, что такое положеніе свойственно знаменитымъ мужамъ и полководцамъ. Алек-

сандръ , Карль Великій , Генрихъ IV , Маршалъ Сакскій , Наполеонъ , Пишсегрю , и самъ Кателино — нравственный образецъ Андрея Говера , горбились подобно ему.

Въ войнѣ какъ и въ правленіи , всего болѣе онъ отличался глубокимъ чувствомъ благочестія , которое , по словамъ гражданъ , доходило до ребячества. Его челоуѣколюбіе было столь кроткое , что онъ не могъ упрекнуть себя ни въ одной каплѣ крови имъ пролитой въ сраженіяхъ , гдѣ онъ всегда былъ первый. Никто не видалъ въ его рукѣ наступательнаго оружія. Въ свѣтѣ ,— это созданіе простое , добродушное , веселое и столько ласковое , какъ только можетъ быть великанъ , играющій съ Пигмеемъ , старикъ , который съ дѣтьми становится ребенкомъ. — Въ толпѣ Андрей Говеръ былъ простякъ.

Теперь , обращусь къ Іосифу Сольбіоскому , имя котораго , какъ я сказалъ уже , напоминаетъ мнѣ ощущенія болѣе личныя ,

и который послѣ дружескаго обращенія, въ мѣсяцъ сдѣлался почти моимъ братомъ. Сольбіоскій, сынъ одного изъ почетныхъ и несчастныхъ воиновъ, въ 1794 году, павшихъ на полѣ битвы въ Помишѣ подъ знаменами Костюшки, десяти лѣтъ былъ усыновленъ докторомъ Фабриціемъ, и такого союза, вѣроятно основаннаго на какой нибудь политической связи между отцами, достаточно для объясненія, почему онъ такъ попечительно образованъ подъ надзоромъ самаго просвѣщеннѣйшаго изъ Нѣмцевъ. Сольбіоскій легко и заманчиво говорилъ на многихъ Европейскихъ языкахъ, и обладалъ въ высшей степени рѣдкою, даже и между извѣстными людьми, ученостью и языкомъ наукъ физическихъ и философическихъ, въ которыхъ анализъ и методъ только что сдѣлали тогда великія пріобрѣтенія, въ этой странѣ изобрѣтательности и усовершенствованія, которая одна имѣетъ право вѣрить постепенному возвышенію ума человѣческаго. Безъ сомнѣнія, богатствомъ свѣдѣній онъ былъ обязанъ рѣдкому попечительству, и всѣ

плоды ихъ приписывалъ своему отцу усыновителю; нѣжность души его ни въ чемъ не уступала высотѣ ума. Такая признательная и благоговѣйная преданность, конечно скрываетъ главную тайну его жизни. Его любовь къ одной изъ дочерей доктора, у котораго ихъ было три, еще болѣе его сроднила; впрочемъ я случайно узналъ объ этомъ. Само время объяснило мнѣ, что Юсифъ Сольбюскій былъ въ произшествіяхъ 1808, душою великодушныхъ предпріятій Андрея Говера, котораго, съ его прямымъ и здравымъ, но мало образованнымъ смысломъ, не достало бы для той сложности дѣлъ, въ какую новое званіе поставило его, когда по стеченію происшествій онъ сдѣлался военнымъ и гражданскимъ начальникомъ, повелителемъ и законодателемъ Тироля; эпоха почти безпримѣрная между всѣми эпохами, — чтобъ простолюдинъ безъ грамоты и честолюбія, сталъ нехотя властелиномъ, и дѣйствовалъ не употребляя во зло своей власти. Развѣ не знаютъ, что правленіе Андрея Говера сравнивали

съ правленіемъ Санхи на островъ Баратарія, и сомнѣваюсь чтобы можно было лучше и точнѣе сочинить похвалу; нѣтъ лучшаго посредника для народовъ какъ здравый смыслъ человѣка безъискусственнаго и богобоязливаго. Конечно, мысль невольно улыбнется нѣкоторымъ изъ этихъ законовъ случайности, импровизированныхъ незначущимъ содержателемъ гостинницы, котораго среди безчисленныхъ непріятелей, война уполномочила правами неограниченной власти, по слезы умиленія смѣшиваются съ тою улыбкою, когда прочтутъ подобно намъ, содержаніе этихъ отеческихъ воззваній, вдохновенныхъ глубокимъ человѣколюбіемъ. Своимъ братьямъ, своимъ дѣтямъ, которые какъ дикіе звѣри выросли въ скалахъ, онъ совѣтуетъ, просить ихъ ради любви, — иначе не приказываетъ какъ именемъ любви, — чтобы всего болѣе щадили и не проливали кровь иноземцевъ, развѣ въ законномъ случаѣ личной защиты; и потомъ освящать оружіе молитвою, добрыми дѣлами и добрыми нравами. Есть одно объявленіе

ніе, — изданное въ Инспрукѣ, куда онъ вошелъ побѣдителемъ Баварцевъ, предводительствуя двадцатью тысячами крестьянъ, — въ которомъ, этотъ великанъ сорока лѣтъ, подобно другимъ, устроенный природою для страстей, — обращается къ благочестію женщинъ, призываетъ ихъ къ древней чистотѣ и закликаетъ спрятать грудь и руки, слѣдуя дѣвственному обычаю ихъ матерей. Это очень смѣшно быть можетъ; но это было бы превосходно въ Плутархѣ, въ жизни Сципіона, Арата или Филопемена.

Однакожь въ этомъ отступленіи я не потерялъ изъ виду Сольбіоскаго, — въ эпоху, къ которой переносюсь, онъ былъ секретаремъ Андрея Говера. Эти два безкорыстныхъ созданія были одно; — одно тѣло и душа. Пусть судятъ по этому Іосифа! . . . При первомъ взглядѣ, его свѣжій и чистый цвѣтъ лица, взоръ сіявшій кротостію, улыбка всегда ласковая хотя часто горькая и унылая, его длинные, бѣлокурые и кудрявые волосы, не предвѣ-

щали въ немъ героя тяжкихъ временъ ; и между тѣмъ странный эффектъ его рѣсницъ, бровей и темныхъ усовъ, оживляли иногда его физиономію особенною значительностію. И тогда уже онъ имѣлъ видъ рѣшимости и гордости, открывающій великій характеръ; — но требовалось гораздо больше опыта и прозорливости, которыми я никогда не могъ похвастать, чтобы провидѣть въ этомъ ангелѣ голубокомъ — бунтовщика.

И такъ наши единственные разговоры были — дружба, любовь, поэзія, красоты пробужденной природы, весеннія сельскія прелести, и всё что услаждаетъ юное сердце, котораго несчастіе еще не иссушило. — Это было не надолго. Дѣла доктора становясь день ото дня запутаннѣе, принуждали его къ частымъ отлучкамъ. Приобрѣтеніе стараго замка на Тагліаментъ, удерживало его въ отсутствіи около недѣли; между тѣмъ срокъ моего свиданія наступалъ; — въ этотъ разъ онъ съ дочерью пріѣхалъ за Іоси-

Фомъ, и остановился съ нсю у одного изъ своихъ друзей. Разлука наша была очень печальна, — я старался продлить её. Она мнѣ памятна. Иосифъ и я насилу расстались, хотя онъ злобно улыбался при мысли о вѣчной разлукѣ; и мы обнявшись, поздно шли при свѣтѣ факеловъ, освѣщавшихъ намъ и площадь и крытую галлереею театра, потому что это случилось въ день народнаго праздника, радости и шумнаго веселія, — это былъ день карнавала, который издавна сохраняетъ всю свою заманчивость въ Венеціанскихъ владѣніяхъ. — Здѣсь я почти не боялся этого зрѣлища, я жалкой молодой человѣкъ, котораго въ Парижѣ охраняли десять запоровъ во время этихъ блистательныхъ праздниковъ для богачей и счастливецъ Императорскаго Двора, такъ живо и прелестно описанныхъ Герцогинею д'Абрантесъ; но въ Триестѣ видъ карнавала еще разительнѣе: — тамъ подъ колонадою толпятся Греки, Албанцы, Турки въ ихъ картинныхъ и пестрыхъ одеждахъ; прелестныя Жидовки, которыхъ острые разкаленные взгляды сквозятъ чрезъ

заманчивые кольца ихъ черной прически; Истрійки совсѣмъ закутанныя въ ихъ длинныя бѣлыя покрывала, и крестьянинъ съ развѣвающимися лентами и своимъ опернымъ туалетомъ, которому въ этотъ день время благопріятствовало, потому что вечеръ былъ теплый, какъ Майскій. Нѣтъ надобности описывать для тѣхъ которые помнятъ, какъ я, карнаваль Триеста въ 1809. — То было волшебство.

Вдругъ женщина въ домино схватила меня за руку, — это была точно женщина, потому что рука, которой я коснулся, была женская. Я даже осмѣливаюсь утверждать, что она должна быть прелестна: — это такъ хорошо узнается! — Иосифъ, немножко поговоривъ съ нами, воспользовался этой минутой моего развлеченія — ушелъ, и я не сердился; послѣднее слово послѣдняго свиданія дорого бы мнѣ стоило сказать. — Впрочемъ, разговоръ этой незнакомки скоро затмилъ всѣ мои мысли. Въ этой землѣ, гдѣ я былъ почти для всѣхъ пришлецъ, непостижимою тайною, она

знала мою жизнь, и мое сердце затрепетало еще больше удивленіемъ нежели страхомъ, когда она сказала мнѣ *прощай*, назвавъ по имени, которое даже въ Венецію дошло только черезъ переписку моихъ сокровенныхъ друзей. Я былъ увѣренъ, что Діана не слыхала его — развѣ отъ — но Діана выше ростомъ.

Домино хотѣло уйти; я удержалъ. Обворожительность маски, пріемовъ, голоса, еще больше увеличилась всѣмъ что только есть осязательнаго и необычайнаго въ видѣніяхъ, въ мечтахъ!

— Я буду вездѣ слѣдить тебѣ, вскричала я, — сыщу, если захочешь убѣжать.

Она остановилась.

— Пожалуй, — сказала она засмѣявшись; но это немножко далеко, а можетъ и будетъ въ извѣстный день. Неужли вы рѣшились быть вездѣ гдѣ я буду и въ день Святой Оворицы? . . .

— Подождите , подождите сударыня , день Святой Онорины? О! этого нельзя! я поручился честью! . . .

— И такъ прощайте , возразила она , отнимая у меня свою руку; идите , куда честь зоветъ васъ!

— Пойду! . . . по крайней мѣрѣ не могу ли я узнать , гдѣ увижусь съ вами въ тотъ день , если позволите искать васъ?

— Гдѣ увидите со мною? . . . да , я этого хочу непременно. Въ придѣлѣ Святой мосѣ защитницы , въ церквѣ Кадроицо , послѣ ранней обѣдни.

Я не пришелъ еще въ себя , она уже скрылась въ толпѣ. Мѣсто свиданія тоже самое что и Маріо Чинчи назначилъ.

Нѣсколько сутокъ прошло въ новыхъ и уединенныхъ прогулкахъ , но въ день святой Онорины , я давно уже стоялъ передъ церквою Кадроицо , прежде чѣмъ отворились двери.

Солнце едва взошло; въ притворѣ было еще темно; нѣсколько лампъ, горѣвшихъ всю ночь, однѣ указывали придѣль святой; — ключарь оканчивалъ освѣщеніе.

Я не ханжа, но набоженъ; и никогда любовныя затѣи не развлекаютъ въ храмѣ того глубокаго ощущенія, которое внушаетъ мнѣ домъ Божій, особливо когда онъ пустъ, и когда душа войдетъ въ присутствіе своего Творца и Господа.

Я вошелъ въ придѣль безо всякаго другаго намѣренія, — только помолиться и принести небссамъ жертву слѣпой преданности не знаю какому слову, которое меня привязывало благороднѣйшими чувствами къ дѣлу старой вѣры и прежнихъ правъ. Глаза мои тотчасъ пробѣжали тѣсную окружность. Я былъ одинъ; ключарь вышелъ, священникъ еще не приходилъ, — но образъ жертвенника уже ярко сіялъ своимъ праздничнымъ блескомъ; — это былъ часъ благоговѣнія, мѣсто торжественное, зрѣлище восхитительное для христі-

лнина; и всякой разъ когда несчастіе тяготитъ меня или уединеніе обращаетъ къ самому себѣ, я становлюсь также искренно христіаниномъ какъ и въ обѣятіяхъ моей матери, когда она меня съ гордостію рядила въ газетовый жилетъ, и вела въ первый разъ къ причастію въ приходѣ святаго Марселина. По прошествіи этого восторженнаго расположенія я сталъ разсматривать картину: Святая Онорина, осужденная на голодную смерть въ темницѣ, блѣдная, — распущенные волосы, — трепещущая, въ чертахъ ея смѣсь горести человѣческой и самоотверженія божественнаго, — простираетъ ко мнѣ молящія руки, будто испрашивая помощи. Глаза свѣтились какъ живые, уста какъ бы двигались! . . . Трогательна и величественна была она! . . .

Между тѣмъ всего болѣе поразило меня то сходство, которое тотчасъ найдутъ влюбленные, — точная Діана! къ счастью этотъ дивный образъ былъ геніальное дѣло Парденона.

Меня бросило въ ознобъ ; я страдалъ отъ этого живаго ощущенія какъ бы на самомъ дѣлѣ. Наконецъ всталъ ; безъ цѣли бродилъ по придѣлу , по церквѣ , куда лучи дневные начинали прокрадываться сквозь стекла и дрожали на стѣнахъ. Никто нешевельлся ни съ наружи ни внутри. Одинъ только гулъ шаговъ моихъ прерывалъ безмолвіе сводовъ. Я пошелъ къ дверямъ ; и дрожа какъ бы отъ стужи облокотился на столъ , поставленный у входа. — Послышалось рыданіе — точно ! только не понимаю откуда : — изъ придѣла или съ паперти ; сперва подумалъ , не святая ли плачетъ отъ тоски и голода. Желая поскорѣе освободиться отъ этого обаянія , помрачившаго разсудокъ мой , я стремглавъ перескочилъ нѣсколько ступенекъ. Слезы , рыданія , преслѣдовали меня на улицѣ , уже совершенно освѣщенной солнцемъ ; я опять воротился къ парадному входу , но былъ упрежденъ моимъ вѣрнымъ Барбетомъ , который , привлекаясь чувствомъ состраданія болѣе человѣческаго , ласкалъ и утѣшалъ всюду , гдѣ только слышалъ жалобы.

Туть я увидѣлъ дѣвочку тринадцати или около четырнадцати лѣтъ, свѣжую и хорошенькую какъ роза, — глаза ея имѣли прелесть невыразимую, когда она не плакала. Дѣвочка сидѣла на верхней ступенькѣ главной лѣсницы, возлѣ дверей черезъ которыя я прошелъ, — опершись подбородкомъ на руку, локтемъ на свое колено; бѣлокурые волосы развѣвались вѣтромъ, бѣдное дитя горько рыдало, смотря на маленькій лотокъ, стоявшій передъ нею, на которомъ лежало что-то покрытое бѣлымъ какъ снѣгъ холстомъ.

— Бѣдная Онорина! сказала она....

Лай моей собаки, бросившейся на ея сторону, принудилъ её перемѣнить свое положеніе и остановя свой взглядъ на мнѣ, она внезапно вскричала:

— Купите, сударь, купите мое прекрасное пирожное! — Дешево уступлю.

Я перешелъ двѣ или три ступеньки и сѣлъ немножко ниже её

— О чемъ же плачешь ты милая малютка, твоя корзинка полна, — вѣдь съ тобою ничего не случилось? . . .

— Купите, сударь, купите мое прекрасное пирожное. Во всей Венеціи не найдете пирожнаго вкуснѣе!

И она отерла глаза свои кончиками прелестныхъ пальчиковъ, чтобы казаться милѣе.

— Я спрашиваю, другъ мой, о чемъ ты печалишься, и чѣмъ утѣшить тебя?— Не бойся, отвѣчай мнѣ.

— О! печаль, сударь — мнѣ есть о чемъ плакать! — Купите, пожалуста купите мое прекрасное пирожное! — Надобно сказать вамъ, что сегодня праздникъ святой Онорины, моего ангела, и всѣ молодыя дѣвушки Кадроио, въ самыхъ нарядныхъ праздничныхъ платьяхъ пойдутъ въ крестномъ ходѣ за ея ракой . . . великолѣпная рака убрана длинными лен-

тами, и каждая, держать её за ленту, которая подобрана подъ стать ея наряду и цвѣту собственныхъ лентъ каждой дѣвушки. — О! это заглядѣнье! — Купите, сударь, пожалуста купите мое прекрасное пирожное! — Потомъ за ними четыре попарно несутъ большія корзины, полныя до самыхъ краевъ флѣлокъ и всякихъ цвѣтовъ, распустившихся въ это время, — остановясь поодаль онѣ горстями бросаютъ цвѣты на мощи святой Онорины. — Но сюда выбираютъ только самыхъ умныхъ, миленькихъ и такихъ дѣвушекъ, на которыхъ больше смотрятъ. Я тоже прошедшій годъ была одна изъ четырехъ, и только въ тотъ день надѣвала мое нарядное Персидское платье съ букетами. — Купите, сударь, пожалуста купите мое вкусное пирожное!

— Но церемонія скоро начнется; Онорина! За чѣмъ же сегодня ты не надѣла своего прекраснаго Персидскаго платья съ букетами?

— За чѣмъ, сударь, за чѣмъ? О томъ то я и плачу. Отецъ мой женатъ на другой, — сегодня утромъ, когда я начала просить мое платье, мачиха сказала мнѣ: — »Оно тебѣ очень пристало, негодница, и ты еще не успѣла глаза открыть, а ужь хочешь нарядиться! — Тогда только тебѣ дадутъ платье, когда ты продашь пирожное.«

— Купите, сударь, купите мое вкусное пирожное.

И снова заплакала.

— Постой! успокойся милое дитя! На все есть лекарство, и ты еще успѣешь занять твое прошлогоднее мѣсто, возлѣ одной изъ этихъ большихъ корзинокъ, полныхъ до краевъ фляжками и всякими ранними цвѣтами. Клянусь, что ты тамъ будешь.

— Прежде, возразила она; при Маріо Чинчи, я ни мало не сомнѣвалась въ томъ.

Каждый мѣсяць онъ прїѣзжалъ въ Кадропо снабжать съѣстнымъ домъ свой и нищихъ, а два послѣдніе мѣсяца онъ два раза въ недѣлю бывалъ здѣсь, и всегда откупалъ всё мое пирожное, оставляя мнѣ на память или кольцо или булавку, или другой какойнибудь подарокъ, тихонько трепля по щекѣ и приговаривая: »будь умницею, Нина, будь умницею, красавица моя, и современемъ ты найдешь себѣ славнаго жениха; ты также мила какъ и бѣдная мать твоя.«

— И такъ, прекрасная Онорина, теперь у тебя двѣ радости вдругъ, — Маріо Чинчи прїѣдетъ.

— Какъ же прїѣхать ему, вскричала она, онъ умеръ

— Маріо умеръ!

— Странно! вы знакомы съ нимъ, а этого не знали? — Ровно двѣ недѣли тому назадъ, онъ стоялъ тутъ гдѣ вы стоите,

и противъ обыкновенія своего почевалъ въ Кадрино у своего друга, богатаго доктора Фабриція, чтобы приобщиться утромъ. Ему то я и продала все мое пирожное. — Купите, сударь, купите мое пирожное!

— Оно уже куплено. — Говори Нина, говори скорѣе, я не стану тебя удерживать.

Ея глаза освѣжились, заблестали. Противоположность простодушнаго разсказа и невинной радости дѣвочки, столь счастливой отъ платья съ букетами, ужасно стѣснило мое сердце. Я положилъ съ секинь на лотокъ, и слушалъ не глядя на нее.

— Вы мнѣ даете слишкомъ много, сударь, мнѣ не чѣмъ размѣнять

— Напротивъ, Онопина, это малость, бездѣлица; только оканчивай, поскорѣе оканчивай!

— Ночь была ненастная; что нужды! Ничто не может остановить Синьора Марио, когда онъ что задумаетъ. »Какая буря ни угрожала бы мнѣ, должно непремѣнно переплыть ручей, сказала онъ доктору, я на это имѣю свои причины; впрочемъ я скоро ворочусь, если же замѣткаю, то признаки, которые я вамъ далъ, позволяютъ обойтись безъ меня.« Но онъ не возвращался и никогда не возвратится!

— Хорошо, по скажи пожалуйста, Опорина, какъ это случилось

— Я перескажу вамъ, сударь, что слышала. Прекрасные дни стояли передъ этой грозой; что за погода была во время карнавала! горные снѣга растаяли; рѣки налились, такъ что Тагліаментъ, наканунѣ переполненный дождемъ, былъ широкъ и бурливъ какъ заливъ морской. Перевозчикъ ни за что въ свѣтъ не соглашался ѣхать; но Синьоръ Марио взялся самъ грести со своимъ Албанцемъ; не знаю знаете ли вы это; и они плыли долго, долго, далеко,

очень далеко — всё хорошо; — но едва доѣхали до половины рѣки, гдѣ самое опасное мѣсто, — вдругъ волна поднялась высоко, высоко, — хлынула на судно, и судно пропало. — Синьоръ Маріо плавасть какъ рыба, не испугался; но Албанецъ, человекъ пожилой, лѣтъ за сорокъ, напрасно боролся съ волнами. Люди, смотрѣвшіе съ праваго берега, говорятъ, что это было смерть страшно; Синьоръ Маріо едва разсѣкъ воду въ нѣсколько маховъ, какъ былъ принужденъ воротиться и выхватить своего слугу, чтобы его вести съ собою, онъ такой добрый, отважный и смѣлый человекъ, что сто разъ жертвовалъ своею жизнью за жизнь крестьянина! — Такъ длилось цѣлый часъ, и всѣ барки подвинулись къ быстринѣ какъ можно ближе, не входя туда, на помощь къ нимъ. Тогда явно увидѣли, что Албанецъ вырывался изъ рукъ своего господина, и стремглавъ валялся въ пропасть съ намѣреніемъ умереть одному. Да! великодушный Маріо еще бы могъ, если бъ хотѣлъ, приплыть къ берегу, но онъ безпрестанно кидался къ Ал-

банцу, который настойчиво нырялъ, снова говоря что-то, чего не слышали. Он доставалъ его наверхъ, нырялъ съ нимъ, поднимался, пропадалъ, и опять являлся, — наконецъ оба исчезли, и тѣла ихъ не отысканы. Въ городѣ увѣряютъ, что такая смерть ему предсказана пророкомъ Равенскимъ, или другимъ кѣмъ-то.

Голова моя опустилась на колѣни, — и я не говорилъ, не думалъ.

Онорина тихонько дернула меня за фалду моего платья: — вотъ звонять на крестный ходъ. — Купите, сударь, купите мое прекрасное пирожное; вы не найдете вкуснѣе въ цѣлой Венціи!

— Малютка! ты все еще тутъ, развѣ я не заплатилъ тебѣ? Поди надѣнь свое Персидское платье съ букетами и ленты, пока не заняли твоего мѣста.

Тогда она сказала: добрый господинъ, пожалуста возьмите ваше пирожное; боюсь

прійти къ мамахъ съ корзиной и деньгами: она такъ зла, ужь на вѣрно подумаетъ, что я что нибудь дурное сдѣлала.

И говоря эти слова она переложила въ длинный карманъ моего дорожнаго плаща всё свое пирожное.

— Чтожь прикажешь мнѣ дѣлать съ твоимъ пирожнымъ? Сказалъ я невольно усмѣхнувшись, оно мнѣ не нужно.

— А нищіе, а голодные? . . Отвѣчала она, святая угодница Оюрина умерла безъ пирожнаго!

Эта мысль поразила меня: картина Нарденона живо рисовалась передъ глазами. Я ощущалъ непреодолимое желаніе опять се увидѣть: — всталъ. Оюрина ушла.

Ранняя обѣдня уже начиналась; я упалъ на колѣни въ глубинѣ придѣла. После нѣсколькихъ минутъ погруженія въ себя, про-

бѣжалъ глазами вѣрныхъ: — горсть простыхъ нищихъ молилась тамъ о посредничествѣ святой и изліяніи на нихъ Божіей благодати. Одна женщина тоже не отставала отъ толпы своимъ теплымъ усердіемъ и смиреніемъ, она отличалась отъ нее однимъ только красивымъ нарядомъ. Когда литургія кончилась, она прошла мимо меня, небрежно приподнявъ уголокъ своего вуаля, остановилась у дверей, бросила въ каждую церковную кружку милостыню, которую прикрывала рукою.

— Онорина? тихоенько сказалъ я подвигаясь къ ней ближе, чтобъ проводить ее, по обычаю Италіанской вѣжливости.

Онорина Фабриціусъ, весело отвѣчала она, когда мы дошли до паперти; и чтобъ успѣшнѣе отрекомендовать себя нѣжному и ласковому участию, которое вы оказываете дамамъ, — невѣста вашего друга Іосифа Сольбіоскаго. Предоставляю вамъ отгадать какія именно распоряженія, сегодня утромъ удержали его въ окрестно-

стяхъ Кадроипо; но завтра онъ ждетъ васъ на судахъ Тагліамента, за часъ до разсвѣта, и вотъ этотъ особый знакъ мнѣ поручилъ вамъ передать въ удостовѣреніе, по словамъ его, — въ важности моего посольства. Обѣщайтесь же, и не ходите замной!

Знакъ этотъ былъ кусокъ таинственнаго прутика, который Маріо разломалъ въ ложѣ; онъ былъ перевязанъ, какъ и письмо Діаны, узенькою алою ленточкою, одного цвѣта съ ея гондолою.

Почтительнымъ наклоненіемъ головы я обиадежилъ Онорину въ моей исправности, и Онорина вмигъ замѣшалась среди толпы, тѣснившейся на лѣсницѣ и загроздившей улицы, — ходъ съ полнымъ великолѣпіемъ шель уже взять мощи. Я искалъ вокругъ корзины съ цвѣтами малютку Онорину. Она тамъ, наряженная въ прекрасное свое платье съ букетами, — счастливица! вся занятая своею красотою. Я ни мало не удивился, что она и не взглянула на меня; у нее было много другихъ сладкихъ думъ!

На слѣдующую ночь, я еще не успѣлъ прійти къ назначенному мѣсту, какъ услышалъ въ потемкахъ знакомый голосъ, меня зовущій по имени. — Остановиваюсь и обнимаю Сольбіоскаго.

— Сегодня утромъ ты никого не увидишь изъ семейства доктора, сказалъ онъ мнѣ; вчерась еще оно отправилось въ Сент-Вейтъ, на томъ же берегу куда и мы пристанемъ; завтра Г. Фабрицій одинъ встрѣтитъ насъ въ замкѣ нашего несчастнаго друга Маріо, — участь его вѣроятно тебѣ извѣстна. Г. Фабрицій счелъ себя обязаннымъ принять во владѣніе эти развалины, пребываніе въ которыхъ, говорятъ, несносно женщинамъ. И такъ, пожалуйста, не относи разлуки нашей къ какимъ либо оскорбительнымъ предосторожностямъ ревности, хотя ты и далъ мнѣ поводъ къ тому. Черезъ нѣсколько сутокъ, моя Опорина обниметъ тебя какъ брата, и подвижность сердца твоего ручается, что ты безъ труда преодолѣешь любовь затѣянную подъ маскою.

Я хотѣлъ оправдываться. Разсмѣявшись, онъ опять обнялъ меня. Выслушай изъясненія самыя существенныя, возразилъ онъ, и прости, что я не открылъ тебѣ моей души въ разговорахъ. Отецъ мой узналъ отъ Маріо, что ты клятвою связанъ съ нимъ; узналъ это въ торжественномъ случаѣ, — наканунѣ бѣдственнаго происшествія, похитившаго *у свободы*, мечъ Италіи. Послѣ этой послѣдней неудачи мы рѣшились было не дѣлать тебя участникомъ нашихъ трудовъ и опасностей, если бѣ нѣсколько словъ вырвавшихся у Маріо не заставили насъ догадываться, что *Торра-Маладетта* скрываетъ какія-то тайны, извѣстныя одному тебѣ. Знаки отъ него тебѣ посланные — этотъ отломокъ прута, лента, этотъ багряный цвѣтъ, всё останется тайною для насъ, если ты не откроешь. Вотъ что и заставило Г-на Фабриція взять себѣ замокъ Чинчи, гдѣ ты останешься только до тѣхъ поръ, пока нужна будетъ намъ твоя помощь и пока не установишь слѣдовать за мной.

— Хоть въ адъ съ тобой, — если должно; отвѣчалъ я, — но эта тайна равно непрошитаема и для меня. Маріо унесъ её съ собою въ пропасть. А мнѣ остается какъ и тебѣ угадывать Напередъ сообщу тебѣ все что знаю.

И я пересказалъ всё что зналъ.

— Да, я уже слышалъ это, сказалъ Сольбіоскій послѣ минутнаго раздумья. Похищенная женщина! . . . Вотъ десять лѣтъ, всякую похищенную женщину приходятъ искать въ *Торра Маладетта*, но всегда безуспѣшно. Маріо обязанъ этого данью своей романической извѣстности, и, полагаю, нѣсколько увеличенной. — Въ ней искали и Діану — но не пашли: и пользуясь этимъ случаемъ осмотрѣли всѣ изгибы самые сокровенные этого недоступнаго убежища, такъ справедливо подозрительнаго для нашихъ непріятелей. Теперь объ этой плачевной исторіи нельзя думать на двос. Даже цвѣты Діаннины, при последнемъ посольствѣ Маріо, ничего не доказы-

вають. Это было ни что иное какъ одинъ вызовъ помнить ее. Дѣвица дѣ-Марсанъ, пославшая записку, полученную тобою въ Триестъ, дѣйствительно погибла въ день своего отъѣзда изъ Венеціи, и я увѣренъ, что отецъ ея точно убѣдился въ этомъ, переживъ смерть ея только нѣсколькими днями.

— Ея отецъ тоже, вскричалъ я! Отецъ Діаны тоже! . . . Г. дѣ-Марсанъ умеръ! . . .

— Что же дѣлать? — возразилъ Сольбіоскій, крѣпко обнявъ меня. Все перемретъ вокругъ насъ, и старики напередъ, — если мы сами не накличемъ себѣ смерть. Воротись въ Кадроппо, милый братъ, или пойдемъ со мною въ *Торра Маладетта*, и вѣрь, мы будемъ очень жалѣть, если тайна ея останется за нами. Быть можетъ тамъ и многихъ найдемъ, заботящихся объ участи друзей нашихъ и человѣческаго рода.

Вмѣсто отвѣта я скочилъ въ лодку; — въ разговорахъ мы непримѣтно пришли

къ морскому берегу, покатоу и вдавшемуся въ море; разсвѣтъ обѣлилъ его.

— Смѣлѣе, смѣлѣе! вскричалъ перевощикъ. Къ вѣчеру переходъ сдѣлается опаснѣе, и Синьоръ Маріо не утонулъ бы, если бѣ пустился, какъ вы господа, за часъ до того пока солнце накалитъ и растопитъ льдины. Ужъ какъ же страшно и гибельно это время для путешественника! Беззаботный! онъ готовъ былъ драться съ чортомъ, еслибѣ чортъ осмѣлился на землѣ приступить къ нему! Вотъ почему злой демонъ долго остерегался его. Сперва онъ хитро разкинулъ ему сѣти, и тогда уже къ горести всѣхъ здѣшнихъ бѣдныхъ людей, — поймалъ Чинчи. — Посмотрите, посмотрите, какъ пучина бьетъ! къ вѣчеру эти ужасные вскипы обѣщаютъ дурное предзнаменованіе. Впередъ, перевощикъ, впередъ!

И онъ запѣлъ. Волны и въ самомъ дѣлѣ начали сильнѣе и сильнѣе разыгрываться и страшно пѣнились вокругъ весель.

Облака рвались клочками, и когда мы переплыли быстрину и вошли въ тихую воду, солнце уже весело освѣщало ихъ поверхность, распестривъ передъ нами широкіе квадраты, темнозеленые, съ трепещущими золотыми жилочками. Нѣсколько морскихъ птицъ долетали до тѣхъ мѣстъ во время полноводія, разсѣкая волны своими крыльями: — и пристань печально, сурово, открылась подъ горизонтальнымъ отблескомъ, постепенно обнимавшимъ весь берегъ. Сольбіоскій уставъ отъ бессонницы, заснулъ напротивъ меня, — я одинъ наслаждался этимъ зрѣлищемъ, какъ вдругъ новая внезапность его смѣнила. Судно печально повернуло носомъ на мѣль, которую сперва я не замѣтилъ. Горизонтъ замыкался тамъ ужасною скалою кубическаго вида, — на этой скалѣ стояла высокая башня, склонившая разрушенную свою вершину, какъ голову великана, раненаго смертельно. Обширныя стѣны, нѣкогда се поддерживавшія, разбитыя временемъ, громомъ и пушками, — эти стѣны при своихъ неравныхъ плечахъ держались только

на нѣсколькихъ камняхъ, и простирались съ той и другой стороны какъ изнеможенные руки отдыхающія на углахъ горъ. Всего болѣе поразилъ меня овальный балконъ, послѣдній уцѣлѣвшій признакъ его платформы, висѣвшей надъ пропастью, казалось онъ придѣланъ къ этому жилищу ужасовъ, въ минуту мира и радости. Я былъ такъ близко, что могъ различать всѣ подробности и понять, что эти строенія и основанія ихъ, были отдѣлены отъ цѣлой вселенной и противились всѣмъ приливамъ Тагламента. Тогда мы пристали и не прошли еще и двадцати сажень, какъ уже достигли ступеней, высѣченныхъ въ скаль, ведущей въ замокъ. Перевозчикъ, оставя насъ, тотчасъ отчалилъ.

Грунтъ земли состоялъ изъ огромныхъ булыжниковъ, раскиданныхъ, овальныхъ и круглыхъ, которые почернѣли съ давнихъ лѣтъ подѣйствіемъ перемѣнъ воздуха и воды, но многія изъ нихъ покрыты безобразными пятнами и камненнымъ поростомъ кроваваго цвѣта. Ноги

едва держатся, — вовсе нѣтъ проложенной дороги; но опасеніе внезапныхъ разлитій Тагламента въ этомъ длинномъ и узкомъ проходѣ между рѣкою и горою, менѣе отдаляетъ прибрежныхъ крестьянъ, нежели старинныя зловѣщія повѣрья. Слуга Сольбіоскаго, неся нашъ скудный дорожный запасъ, тащился кое какъ съ невыразимымъ ужасомъ. Барбетъ, не забѣгалъ впередъ, какъ обыкновенно; но слѣдовалъ за мной съ воємъ.

Молчаніе Сольбіоскаго, заставило думать что онъ еще не совсѣмъ проспался, вѣроятно, по причинѣ многихъ дней усталости и тревоги.

— Куда идемъ мы, другъ мой? сказалъ я Сольбіоскому, взявъ его за руку, чтобы поддерживать другъ друга.

— Ты спрашиваешь объ этомъ? сказалъ онъ смутно взглянувъ на меня, — Сольбіоскій тоже былъ настроенъ одинаково со мной. — Мы идемъ въ *Торра Маладетта*; и *Торра Маладетта*, — вотъ она!

ТОРРА МАЛАДЕТТА,

ИЛИ

ГОЛОДЪ.

ТОРРА МАЛАДЕТТА.

или

голодь.

Со времени пріобрѣтенія докторомъ *Торра Маладетта*, сѣ занималъ одинъ изъ его управителей, котораго я видѣлъ въ Триестѣ: маленькій ростомъ и способностями, очень хромою на правую ногу и сужденіе, уродливый гигантъ въ политикѣ—свойство глушцевъ, — и необыкновенный пигмей въ исполненіи; но въ корыстныхъ дѣлахъ изворотливъ выше ожиданія. Впрочемъ, довольно знать, что его зовутъ Бартолотти.

Во время нашего прїезда, этого Бартолотти не было въ замкѣ. Отъ страху онъ еще дни за три уѣхалъ.

— Отъ страху, Г-жа Барбарина, сказалъ Сольбіоскій старой и безсмѣнной смотрительницѣ замка, услыша отъ нее такую вѣсть, — отъ страху, говоришь ты, да чего бояться въ *Торра Маладетта*, развѣ чтобы не раздавила въ своемъ паденіи? Но она уже такъ давно стоитъ безпрестанно угрожая обрушиться, столько поколѣній легло у ногъ ея, — можно надѣяться, что она простоятъ покрайней мѣрѣ такъ же долго, какъ и мы.

— Это не совсѣмъ такъ, отвѣчала старуха, усадивъ насъ въ большой прїемной комнатѣ внизу: — есть много кое-чего другаго разсказать объ этихъ хоромахъ, къ которымъ я привыкла съ малолѣтства; вѣдь и прадѣды мои всегда тутъ жили, — первый изъ нихъ пришелъ сюда изъ Рима съ первымъ Чинчи. Теперь же вотъ меня оставили тутъ одну, — дряхлую и сторблен-

ную, какъ сама башня, нѣтъ никого кто бы прикрылъ саваномъ мои кости! Тагліаментъ схоронить насъ обѣихъ, и башню и меня, — и всё кончится. Упокой Господи и тѣхъ, у которыхъ подобно намъ, чистая совѣсть! — о чемъ бишь я сей-часъ говорила? — да! чего не насмотрѣлась я въ *Торра Маладетта*, но теперь ужь я стара и слаба — едва смогу пройти изъ пріемной до дверей, и опять отъ дверей до пріемной, — такъ то старость и горе уходили меня. Вотъ уже нѣсколько годовъ я ничего не значу въ замкѣ. Бывало Албанецъ господина моего, взойдетъ всегда первый, возьметъ сурово отъ меня ключи, вѣдь онъ также упрямъ и отваженъ какъ господинъ его, и поддерживалъ меня рукою, чтобъ ускорить мою походку, запиралъ меня здѣсь двойною задвижкой, крича своимъ грубымъ голосомъ: добрая ночь, Барбарина! женщины твоихъ лѣтъ только и годны чтобъ спать! Спрашиваю васъ, милостивые государи, такъ ли поступаютъ съ заслуженною слугою, рожденною отъ чистой Римской крови, которая плыла васъ съ колыбели,

и которая часто носила вась на своихъ рукахъ на зубцы башни, чтобы поближе показать звѣзды. Эта мысль съ самаго дѣтства тревожила сонъ моего господина, и его мать, несчастная моя госпожа, уже больная въ постель, кричала мнѣ: что ты дѣлаешь, Барбарина, за чѣмъ не снесешь Маріо на зубцы башни показать звѣзды? Или ты хочешь чтобъ онъ умеръ отъ судорогъ и сердца? Тогда я закутывала его въ одеяло и накрывала моимъ капотомъ или отцескимъ плащомъ — всходила съ нимъ на башню; но вотъ уже болѣе двадцати лѣтъ какъ туда не ходятъ. — О какъ онъ любилъ смотрѣть на звѣзды! и не умѣя еще говорить, лепеталъ кое-какъ, называя ихъ по своему. Боже мой! а теперь ужъ и съ земли не смотритъ на нихъ — бѣдное дитя мое!

— Всѣ хорошо Барбарина; но это далеко отъ нашей цѣли. Мы судимъ, по началу твоего разсказа, что ты хочешь жаловаться на постуки Маріо.

— Мнѣ жаловаться на моего любезнаго Синьора Маріо! Что съ вами? — Развѣ я сказала это? — Вѣдь не его вина въ томъ, что онъ сталъ такъ угрюмъ и дикъ! Но онъ ужъ не рассказывалъ мнѣ больше о своемъ горѣ, какъ бывало въ дѣтствѣ. И все довѣрялъ только своему Албанцу. — Когда же я его укоряла въ этомъ, онъ усмѣхнувшись останавливался передо мною, складывалъ на крестъ руки, — о, какъ пріятно было мнѣ видѣть смѣхъ его: — »Ей, ей, Барбарина, отъ сихъ поръ, я ужъ »ничего не стану дѣлать не посовѣтовавшись съ тобою: но только съ тѣмъ чтобъ »ты ни въ чемъ себѣ не отказывала, жи- »ла бы тутъ полною госпожей, и ложи- »лась бы пораньше. — А заирать тебя »нужно для безопасности твоей и моей.« — И потомъ еще разсмѣявшись онъ цѣловалъ меня въ лобъ, и взявъ подъ руки сажалъ въ мое кресло.

— Да воротимся къ страху — Барбарина, чего испугался Г. Барталотти?

— Какъ чего? — отвѣчала Барбарина, развѣ нечего бояться съ непривычки? — Конечно, я, — мнѣ горя мало! но этотъ глухой гулъ подъ сводами, будто кто хочетъ обрушить ихъ; — эти жалобные стоны, выходящіе изъ развалинъ со всѣхъ сторонъ, и тамъ, и тутъ, вездѣ; а эти двѣ черныя женщины, въ знакъ отчаянія распускающія красныя и бѣлыя платки на балконъ старинной платформы, — ихъ рыданіе раздираетъ сердце! Да, не ужели вы, милостивые государи, не знаете имя Синьоры Лукреціи и Синьоры Беатрисы Чинчи?

— Конечно мы знаемъ эту исторію; но вѣдь онѣ обѣ умерли болѣе двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ.

— Въ самомъ дѣлѣ умерли, и потому то всходить туда куда, никакъ не поспѣютъ взойти живые; кто живой, у кого нѣтъ птичьихъ крыльевъ, — отважится войти съ наружи или изнутри на балконъ платформы? Въ моей долговременной жизни, я ихъ слышала только два раза,

когда дѣдъ Маріо, Филиппино Чинчи, былъ убитъ кинжаломъ на площади Святаго Марка, и потомъ когда по приговору суда, его отцу Андрею передъ арсеналомъ отрубили голову; но никогда рыданіе ихъ не было такъ жалобно какъ послѣ смерти моего великодушнаго и благороднаго Синьора Маріо, — это очень естественно, вѣдь съ нимъ прекратился весь его родъ. Остается только поблагодарить Бога, что гнѣвъ его кончился! — И этимъ скитающимся душамъ не о чемъ больше тужить!

— Довольно, сказалъ я Барбарингъ; теперь любезная старушка, мы знаемъ всё, что намъ хотѣлось знать. Одного изъ этихъ мальчиковъ, насъ провожавшихъ, мы помемъ за Бартолотти въ сосѣднюю деревню, или туда куда онъ спрятался. — А слуга твой, прибавилъ я обратясь къ Сольбіоскому, приготовить постели въ комнату, какую эта добрая женщина укажетъ ему, и позаботится въ окрестностяхъ о достаточномъ запасѣ, прежде совершеннаго разлива Тагліамента. Наконецъ, если ло-

чешь меня послушаться, мы воспользуемся этимъ днемъ,—вездѣ обойдемъ, все осмотримъ. Или диковиннымъ образомъ я ошибаюсь, или это дѣйствительно стоитъ труда.

Внутреннее убранство не стоило особеннаго вниманія. Старинныя перегородки, старинныя украшенія столярной работы, ветхія мебели, изорванные обои, — весь этотъ обветшалой домъ, разстроченный отъ нерадѣнія или бѣдвости, готовъ совсѣмъ обрушиться; тутъ не было мѣста гдѣ бы скрытъ преступленіе или добродѣлю! — Барбетъ, проворнѣе меня обшаривши вездѣ, легъ зѣвая.

Окончивъ такой бесполезный розыскъ мы опять вошли на скалу.

— Теперь, ты обойди эту окружность, сказалъ я Сольбіоскому, чтобы вынать мѣста болѣе доступныя; не иначе какъ спаружки должны приходиться эти таинственные чудодѣтели всякихъ страховъ, если

только въ самомъ дѣлѣ правда. Между тѣмъ я тщательно осмотрю стѣны и узнаю, можно-ли туда пробраться. Съ низу доступъ къ нимъ былъ очень труденъ, по причинѣ многихъ разщелинъ и ужасной груды каменныхъ обломковъ, нагроможденныхъ другъ на друга; но въ томъ мѣстѣ гдѣ покатость развалины, увеличенная вѣтрами, повѣсила два боковые крыла до земли, то вскарабкаться по нимъ также легко, какъ и черезъ лѣстницу неровную, смѣло протянутую между двумя пропастями. То была новая забава для моихъ привычекъ натуралиста, для моихъ горскихъ ногъ, для моихъ глазъ, дерзко измѣряющихъ пропасти самыя глубочайшія, безо всякаго головокруженія. — Такъ-то я не оглядываясь назадъ и не боясь обрывовъ, отважился на этотъ чудесный переходъ, до того мѣста, откуда возвышался бель-ведеръ на энтаблементѣ, болѣе покойномъ и уцѣлѣвшемъ. Я не забылъ, что эта часть балюады на видъ много наклонилась къ Тагліаменту, и воспользовался этою наклопностию, чтобы взлѣзть на ея верхъ, переводя

руки и ноги въ щели, гдѣ выпалъ камень и оставилъ пустоту. — Такъ-то я вскорѣ добрался до вершины и всталъ на фронтонъ этого шевелящагося колоса, на который съ трепетомъ смотрѣлъ, по утру.

Зрѣлище, представившееся мнѣ съ такой необъятной вышины, было такъ пространно и неизмѣримо, что не взирая на мою самонадѣянность и присутствіе духа, голова стала кружиться. Мнѣ случалось взбираться на вышины гораздо превосходящія эту, но за то онѣ были несравненно тверже въ основаніи и болѣе отвѣсны на взглядъ. Эта же дрожала подъ моею тяжестію, и нависла ужаснымъ образомъ къ долину Тагліамента. Я сѣлъ на кучу камней изъ остатковъ парапета, которые время кое-какъ нагромозило одни на другіе, и разгребалъ крупный щебень, чтобъ тверже стоять ногами на поверхности болѣе гладкой. Поразровнявши же достаточно дорогу по обѣ стороны, я началъ ходить, осматривая отсюда, всю совокупность безпредѣльной картины. Но услыша отъ

гвоздей подъ сапогами металлическій звукъ, проворно нагнулся чтобъ прислушаться — откуда онъ? — Еще отбросилъ нѣсколько мѣшавшихъ камней, и вижу — подъемная дверь; присѣлъ, и опять началъ обрывать ее крѣугомъ: нужно было увѣрится — не заперта ль она снутри, или только держится собственною тяжестью въ каменныхъ закраинахъ люка. Однакожь я понялъ что по причинѣ постепенной наклонности баини, дверь всею тяжестью своею нажимала петли, и сдѣлала движеніе ихъ или невозможнымъ или очень труднымъ; да и самыя петли, вѣроятно, столько времени безъ употребленія — заржавѣли. Я скоро бы дознался этого, но со мною не было другаго инструмента кромѣ минералогическаго долота и молотка, которые я всегда носилъ за поясомъ. — Просунувъ долото въ разщелину, которая, полагаясь, находилась противъ петель, — и, къ чрезвычайной радости, безъ большихъ усилій, дверь отдѣлилась на нѣсколько линій. — Больше не нужно было удостовѣренія, что она не заперта внутри ни крючками, ни запорами,

и эта дорога въ башню непременно приведетъ насъ туда, если понадобится. Потомъ я потихоньку сталъ сходить назадъ, ступалъ съ большею осторожностію на каждую случайную ступеньку этой развалины, чтобъ время отъ времени хорошенько осматривать всѣ малѣйшія измѣненія главной картины; иногда глядѣлъ на длинную голубую струю Тагламента, которая безпрестанно кипѣла и пѣнилась бѣлыми волнами быстрыми и звучными, но была еще далека отъ подошвы скалы; — то взоръ мой останавливался на темной, уединенной и квадратной башнѣ Сентъ-Вейта, сестрѣ простолудинкѣ гордой башни Святаго Марка; то блуждалъ издали по зеленой, матовой и стекляннѣй поверхности каналовъ.

Продолжительное отсутствіе мое уже безпокоило Сольбіоскаго, — онъ воротился остановясь на томъ мѣстѣ, гдѣ не было прохода, и Бартолотти явился въ замокъ. Барбетъ отыскавъ мои слѣды, жалостно визжалъ на камняхъ нижней развалившейся стѣны, и съ воемъ смотрѣлъ на башню.

Я сошелъ и разспрашивалъ нѣкоторыми подробностями съ Сольбюскимъ, — открытіе подъемной двери въ бельведеръ, особенно его занимало.

Мы вмѣстѣ согласились послать слугу осмотрѣть одно только проходное мѣсто, имъ найденное, чтобъ предохранить себя отъ печальнаго нападенія, и воротились въ залъ къ самому скромному пиршеству. Уже смеркалось, но за то луна превосходно свѣтила.

Барталотти казался безпокоенъ, стѣпенъ и мучительно озабоченъ на своемъ длинномъ креслѣ, гдѣ мы изъ чести его помѣстили, — оттого начало нашего обѣда противъ воли отзывалось его скукою. Черезъ нѣсколько времени Сольбюскій и я взглянулись, какъ бы спрашивая одинъ другаго: — вторимъ ли и мы его унылому настроенію духа, — и покатались со смѣху. Это разсѣяло наши пасмурныя мысли, неволью внушасмыя печальнымъ жилищемъ, которое, повидимому, становилось еще плачевнѣе отъ неизмѣримой залы, гдѣ

наши три постели, разположенныя въ небольшомъ разстояніи, походили на погребальныя катафалы, тускло освѣщенные двумя тоненькими свѣчами на столѣ, за которымъ мы сидѣли. Всякой разъ разговоръ нашъ самъ собою впадалъ, какъ всегда бываетъ, на такіе предметы, которыхъ всего болѣе хотѣли бы избѣжать, но мы вели его тѣмъ шутливымъ тономъ, который отзывается удалствомъ смѣлыхъ головъ.

Наконецъ Сольбіоскій всталъ и съ торжествомъ подавая мнѣ стаканъ свой, сказалъ: — »Вѣчная память семейству Чинчи, »и всѣмъ усопшимъ въ этомъ страшномъ »замкѣ! — Да отверзутся небеса ихъ скитающимся тѣнямъ! и въ ожиданіи того, »да будетъ легка для нихъ могильная земля! «

Я было собирался отвѣчать на его провозглашеніе, готовясь послѣ дневной усталости лечь—вдругъ ужаснѣйшій ударъ потрясъ своды подъ нашими ногами. — Мы онѣмѣли.

— Это ничего, возразилъ Сольбіоскій, Тагламентъ вѣроятно подымается и ударилъ въ основаніе башни, какъ слышно по подземному звуку.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ я, подвигаясь къ окну; но видно было, что Тагламентъ ни мало не прибылъ. Онъ бѣлѣлся на прежнемъ разстояніи противъ тѣхъ же скалъ.

Тотъ же гулъ, сопровождаемый рыданіемъ, похожимъ на стоны умирающаго, снова раздался, и не разъ. Барбетъ присѣлъ, глаза загорѣлись, уши дыбомъ — и при всякомъ ударѣ онъ жалобно вылъ. — Бартолотти, блѣдный какъ мертвецъ, стучалъ зубами отъ страха.

— Точно здѣсь, и не далеко отъ насъ, возразилъ я, есть что-то необычайное, — намъ должно развѣдать непременно. Эта комната со всѣхъ сторонъ окружена стѣнами, — но на чемъ она стоитъ? — Если не ошибаюсь, гулъ идетъ съ низу.

Въ тотъ же мигъ я приподнялъ старый коверъ, прикрывавшій полъ, и увидѣлъ въ четырехъ углахъ обмазку изъ крѣпкаго цуццолановаго цемента, но съ трудомъ откололъ нѣсколько обломковъ, ударами долота и молотка. Наконецъ проникъ во всю толщину его, и остановился на голомъ камнѣ.

— Скала, вскричалъ я, скала! ничего кромѣ скалы! Ужасная тайна!

Сольбюекій подошелъ ко мнѣ, схватилъ за руки и потащивъ къ отверстию окна сказалъ:

— Человѣчество требуетъ развѣдать эту тайну; но одна только баиня се можетъ объяснить. Я замѣтилъ здѣсь все нужное, чтобъ воспользоваться открытiемъ; сдѣланнмъ тобою поутру, — и для этихъ поисковъ жду тебя въ полночь, при подошвѣ развалинъ, черезъ которыя ты дошелъ къ бель-ведеру. Только подумай что этого труса не должно дѣлать участникомъ

въ тайнѣ нашего умысла; — онъ умереть отъ страха; лучше успокоить его поддѣльною безопасностью!

— Мы глупы, продолжалъ онъ садясь за столъ, увлеклись ложными призраками, которые сами собою объяснились. Докторъ Фабрицій, давно уже навѣщающій этотъ замокъ, знаетъ все его извороты самые скрытныя, — вѣроятно по обычаю Тугенд-Бунда, онъ захотѣлъ испытать нашу рѣшимость совершенно новымъ опытомъ, приготовляя намъ въ эту ночь честь высокаго призванія, до котораго не достигъ еще ни одинъ изъ насъ троицъ, ежели только и г. Бартолотти, не въ заговорѣ съ нимъ; а я точно считаю его однимъ изъ главныхъ актеровъ этой сцены, по немновѣрному искусству, съ которымъ онъ разыгрываетъ ролю испуганнаго, иначе гдѣ бы сыграть её такъ мастерски, такому отважному человѣку какъ онъ. Къ счастью наши сердца не поддаются такимъ романическимъ выходкамъ, и мы не вѣримъ этому стакану Себенико, приготовлен-

ному для тоста, за все опасности, какія только могут встревожить душу.

Бартолотти, разиваясь отъ такой лести, какъ обыкновенно люди маленькіе и духомъ и умомъ, — въ самомъ дѣлѣ съ увѣренностію и безъ трепета поднесъ свой стаканъ Сольбіоскому, прося подлить вина, и не пролилъ ни капли.

Признаюсь, оборотъ кетати схваченный Сольбіоскимъ, отчасти показался мнѣ вѣроятнымъ, подтверждаясь необычайнымъ отсутствіемъ доктора въ самый приливъ Тагліамента, который могъ сдѣлать Торра Маладетта неприступною на многіе дни. Наконецъ мы разхрабрились непрерывно, какъ будто все секты и все ложн Германскія и Италіянскія ожидали насъ на мѣстѣ открытія звуковъ, возникшихъ подъ нашими ногами; — мы бросились въ постелью несравненно спокойнѣе, по съ тою разницею, что Сольбіоскій и я — въ платьѣ, назначая эту ночь не для сна.

Когда всё утихло, я началъ пристально слушать. Удары не раздавались больше, но порою слышался заунывный звукъ, похожій на звонъ погребальнаго колокола, и Барбетъ полусонный, вторилъ этому ропоту, ворчаніемъ собаки бредящей во снѣ.

По условію, Сольбіоскій вышелъ первый, чтобы заpastись рычагомъ и другими орудіями, необходимыми для нашего ночнаго поиска. Спустя нѣсколько времени, я тоже прокрался, тихонько закиравъ за собою двери, чтобы Барбетъ не выбѣжалъ въ дорогу, очень опасную для его преданности и предпріимчивости. Дошедши до ската стѣнь я остановился на минуту. Іосифъ тотчасъ присоединился ко мнѣ вооруженный всею снарядомъ, нужнымъ къ подобнымъ предпріятіямъ, сложеннымъ въ большой охотничій мѣшекъ. За поясами у насъ было по парѣ пистолетовъ, а у меня еще славный кинжалъ, сверхъ всегдашняго долота и молотка. Я шелъ впереди съ тусклымъ фонаремъ. Іосифъ, не привычный къ такимъ путеше-

ствіямъ, шель позади меня опирался на тяжелый желѣзный ломъ, которымъ хотѣли мы поднять опускающую дверь. — Доступъ къ бельведеру, — самая опасная часть нашего пути, — при этой ясности ночи, сдѣланъ безъ особыхъ затрудненій.

Послѣ нѣкоторыхъ усилій ходьба наша, подстрекаемая преградами, нѣсколько позамедлилась. Шумъ Іосифовыхъ шаговъ показался мнѣ отдаленнѣе. — Оглядываюсь, онъ отдыхаетъ. — Я сказалъ уже что мы утомились еще при утреннемъ походѣ. Я ободрилъ его: Сольбіоскій взоселъ; но вскорѣ я и самъ принужденъ былъ остановиться. Пройдя три или четыре сажени въ вышину, не замѣтно было чтобъ глубина въ право и на лѣво увеличивалась соразмѣрно нашему дѣйствительному переходу. Я не привыкъ къ этому неопредѣленному ночному освѣщенію, разстроивающему всѣ расчеты зрѣнія переменною вида, цвѣта и разстоянія сравниваемыхъ предметовъ. — Рвы, казалось, не имѣли дна; башня, стоявшая надъ ними — безъ

конца. Самыя малыя впадины пугали взглядъ, малыишия неровности грозили опасностью; и обломки тамъ и сямъ, оставленные нами позади, имѣли видъ головъ, грозно насъ преслѣдующихъ. По мѣрѣ какъ горизонтъ становился обширнѣе и свѣтлѣе, покатоствъ, по которой мы карабкались, казалась сумрачнѣе и тѣснѣе; нижній край, пройденный уже нами, облитый луннымъ свѣтомъ, казался безграничнымъ и пустымъ какъ небо; а свирѣпый гулъ Тагліамента, непрерывно подымавшагося, который съ шумомъ грызъ берега свои, одинъ только въ цѣлой вселенной доходилъ до нашихъ ушей. Этого ужаса описать нельзя.

Признаюсь, мы и то считали за счастье, что могли сѣсть на маленькомъ карнизѣ бельведера, хотя на выпускѣ его только и можно было помѣститься опершись на башню, въ плутораста футахъ отъ основанія. Послѣдній камень, на который Юсифъ оперся ногою, пошатнулся и рухнулся, увлекая за собою его другихъ въ

своемъ паденіи. Они скатились въ низъ съ громовымъ трескомъ.

— Дорога наша прервана, сказалъ онъ вдругъ прижавшись ко мнѣ.

— Опять возобновилась, возразилъ я, и теперь несравненно удобнѣе для сходу назадъ. Ты лучше меня знаешь, братецъ, что всѣ коническія или пирамидальныя строенія, которыя разрушаются отъ времени или усилій человѣческихъ, увеличиваютъ скатъ и расширяютъ свое основаніе. Это же помогло и сюда намъ взойти.

— Правда твоя, отвѣчалъ Сольбіюскій, но башня, эта ужасная башня, видишь ли ты средство подняться на нее.

Я былъ уже на двадцать футъ выше его, прежде чѣмъ отвѣчалъ, и онъ слѣдовалъ за мною попеременно, изъ пустоты въ пустоту, со ступени на ступень, смотря по промежуткамъ башни или выщелостямъ ея при свѣтѣ моего фонаря, об-

ращеннаго на стѣну, впуская руки во все мѣста, оставленные моими ногами, или хватаясь за все выступы, гдѣ онѣ стояли. Дошедши до верха, я освободилъ его отъ рычага и всехъ желѣзныхъ орудій, бросивъ ихъ во внутренность бельведера, куда Сольбиоскій пришелъ почти вмѣстѣ со мною, не смотря что поутру не упражнялся въ такомъ необыкновенномъ вознесеніи.

Это убѣжище можетъ не очень было удобно, но мы ни мало о томъ не думали. Стоя на верху Торра Маладетта и смѣяся, обнимались мы въ этомъ бельведерѣ, гдѣ вѣроятно ни одна душа не смѣялась. Намъ такъ было хорошо въ этомъ свѣжемъ эластическомъ воздухѣ который игралъ нашими волосами! — Погода прекрасная! — Ночь прелесть! свѣтло, ясно — такъ пріятно и усладительно! а онъ, Іосифъ мой, раскрылъ сердце свое столь прекрасному будущему!

— Прости мнѣ, сказала онъ, если я

огорчаю тебя моею радостію; — Опорна тамъ, — и указаль на Сент-Вейтъ, башня котораго рисовалась на горизонтъ подъ нашими ногами, — я вѣдь забыль, что если Діана и осталась въ живыхъ, то все не можетъ быть твоею.

— Хорошо, отвѣчалъ я ему, обнимая его опять, — брось мои слабости и печали. Кто-то страдаетъ и въ этой башнѣ.

Съ помощію долота моего мы легко просунули рычагъ подъ опускающую дверь. Вскорѣ, — но кто опишетъ нашу радость когда заржавленныя петли заскрыпѣли? Тяжелая дверь поднялась и оперлась почти вертикально на камни, отъ которыхъ я освободилъ се въ первомъ моемъ походѣ на бельведеръ. Мой фонарь опущенный въ люкъ, посредствомъ снурка на которомъ я проворно его повѣсилъ, вдругъ остановился на твердомъ помостѣ въ шести футахъ глубины.

Я срыгнуль; тщательно освѣтилъ все

уголки, всё выходящія мѣста энтаблемента и очутился надъ круглою лѣстницею, меньше разрушенною чѣмъ наружная.

— Постой, постой! вскричалъ я Сольбіоскому, мы непременно найдемъ то, что такъ пламенно хотимъ узнать; или я неимовѣрно ошибаюсь.

Напрасно бы онъ покусился слѣдовать за мною, — проговоря это, я тотчасъ пропалъ у него изъ виду. — Столбъ лѣстницы былъ такъ сжатъ въ своей корбкѣ, что ни съ которой стороны нельзя было видѣть за разъ больше двухъ ступеней ея глубокой спирали, и потому вертясь около него, я почувствовалъ круженіе головы, — глаза помутились. Я упалъ полуоглушенный на послѣдней ступенькѣ у преддверія, которое вело на широкую и совершенно правильную лѣстницу, гдѣ три человека свободно могли идти рядомъ. Но чрезвычайно изумился, пробѣгая ее глазами до самаго низу и увидя свѣтъ, который принималъ сперва за остатокъ

обморока. — Оправившись нѣсколько, я поставилъ мой фонарь позади столба круглой лѣстницы, и снова началъ осматривать. — Это не обманъ, а точно небо, живое небо съ разводами луны, такое великолѣпное и кроткое среди мрака этого ужаснаго зданія.

— Луна и небо, сказалъ я, проворно вставая, луна и небо! — Выходь! выходь! башня открыта.

— Выходь! отвѣчалъ Иосифъ, и можно выйти отсюда минуявши эти стѣны?

Въ ту же минуту онъ бросился и едва успѣлъ очутиться возлѣ меня, какъ опускающаяся желѣзная дверь захлопнулась надъ нами, и шатающіяся развалины бельведера ходуномъ заходили; — стонъ его раздался по всему верху.

— Ахъ! что я сдѣлалъ? сказалъ онъ, теперь мы навсегда останемся плѣнниками *Торра Маладетта*; всѣ инструменты,

которые могли намъ пособить, остались снаружи.

— Да вѣдь я говорю тебѣ, Іосифъ, что есть выходъ, удобный и надежный, котораго ты поутру не замѣтилъ.

— Я видѣлъ, заботливо возразилъ Сольбіоскій, все то что человекъ можетъ открыть съ наружной стороны этой башни, а хотя и есть какой нибудь развалившійся и недоступный выходъ на берега Тагліамента, — то развѣ забылъ что Тагліаментъ выступаетъ изъ береговъ?

— Иди же, вскричалъ я таща его, и брось все эти напрасныя тревоги. Черезъ нѣсколько минутъ мы выйдемъ. Посмотри скорѣе, видишь, видишь ли? . . .

— Да! сказалъ Сольбіоскій, это небо и Сент-Вейтъ! — Берегъ рѣки былъ высокъ еще.

Мы перешли двѣнадцать ступенекъ

по новой лѣстницѣ съ полною надеждою , безо всякой боязни. Но чтобъ скорѣе дойти до цѣли — я побѣжалъ.

— Стой! вскричалъ Иосифъ, схвативъ меня со всею силою; — развѣ не видишь несчастный, что здѣсь обрывъ лѣстницы?

Съли. Я осторожно выпустилъ двѣ сажени шнура, привязаннаго къ моему фонарю.

— Да, сказалъ я, это съ намѣреніемъ прервано , постройка стѣны, замѣстившая ступеньки, казалась новѣе остальнаго зданія. Марію, безъ сомнѣнія, нарочно склалъ ее, чтобъ прекратить всѣ сообщенія со внутренностью замка. Впрочемъ, пустая предосторожность , тутъ ребенокъ сойдетъ безо всякой опасности, и ты видишь, что ступеньки, послѣ этого короткаго промежутка, не прерываются. Онъ тянется до этой свѣтлой двери, которая насъ освободитъ.

— Ребенокъ сойдетъ отсюда, отвѣ-
чалъ Сольбіоскій, но стѣна новая, какъ
самъ же ты сказалъ, и взрослый не взои-
детъ на неѣ. — Вернись, Максимъ, вер-
нись. Четыре сильныя руки могутъ под-
нять эту опускную дверь Мы вѣдь
ее пробовали. Завтра возьмемъ съ собою и
Фридриха, котораго я напрасно оставилъ,
— онъ довольно предпріимчивъ и силенъ.—
Мы тогда вѣрнѣе успѣемъ, указавъ эту
дорогу другимъ отважнымъ сосѣдямъ, ко-
торыхъ конечно привлечемъ въ замокъ
деньгами, если рѣка не разлучитъ насъ и
жизнь наша не погибнетъ безъ помощи и
пользы.

Мы оба, какъ говорилъ Сольбіоскій,
не разочли дѣйствія четырехъ сильныхъ
рукъ на подъемную дверь, которая возвы-
шалась на сажень отъ насъ. — Она ша-
талась отъ усилій нашихъ, но надлежало
имѣть еще четыре руки, чтобъ поднять
ее, и поставить отвѣсно возлѣ камней ко-
торыми она была прежде подперта. Доло-
то мое мало помогло, и послѣ двухъ или

трехъ покушеній — сломилось и безъ пользы упало къ ногамъ нашимъ. Я не посмѣлъ употребить мой кинжалъ; онъ могъ пригодиться на что нибудь другое.

Не говоря ни слова мы сошли и черезъ минуту очутились у подошвы стѣны, такъ круто пересѣкающей лѣстницу. Я увѣрился, что невозможно было взлѣсть на эту вышину, если бъ мы принуждены были воротиться; но луна не переставала свѣтить — ея живой свѣтъ, дѣлавшійся пространнѣе по мѣрѣ того какъ онъ приближался къ своему захожденію, обливалъ сіяніемъ своимъ нижнія ступеньки, такъ что ихъ удобно было перечесть. Пространство наружное было безпредѣльно.

Тамъ было двадцать ступеней, которыя мы перебѣжали съ безпечностію почти веселою. — Дорога опять оборвалась, и вышина обрыва была бы ужасная если бъ тяжесть верхнихъ стросній не прида-
ла ему нѣкотораго ската.

— Почти ничего, мой другъ, почти ничего, клянусь тебѣ! пятнадцать или восемнадцать футовъ не болѣе, — и мы свободны! вѣдь нѣтъ другаго средства выйти живыми изъ *Торра Маладетта*; — воротиться невозможно. Посмотри на небо! Видишь-ли разсвѣтаетъ! Здѣсь даже не слышенъ и плескъ Тагліамента, и эта сторона къ Сент-Вейгу!

Я ему говорилъ такъ у подошвы стѣны. Онъ спрыгнулъ ко мнѣ и побѣждалъ къ свѣту.

— О Боже! вскричалъ онъ, пропали, совсѣмъ пропали! Это не выходъ, или выходъ отъ жизни къ смерти!— Это ветхой балконъ разрушенной платформы, тотъ самый балконъ на которомъ показывалась Лукреція и Беатриса, о которомъ, вчера или сегодня утромъ, говорила Барбарина что никто живой не можетъ туда войти безъ крыльевъ! . . . И дѣйствительно, надо быть съ крыльями чтобы войти или сойти съ этой башни! Максимъ! мы погибли!

Я подошелъ, свѣсилъ съ балкона: —
вышина безмѣрная, онъ стоялъ отвѣсно
надъ самымъ низкимъ берегомъ. Къ
несчастью, Тагліаментъ безирестанно по-
дымался выше и выше, — я сѣлъ на ка-
менные доски и оперся головою на руки.

Послѣ минутнаго размышленія при-
шелъ въ себя, если я и впадаю въ уны-
ніе, — то тотчасъ же нахожусь чѣмъ ни-
будь ободрить себя. — Сольбіоскій горе-
валь.

— Не спорю, — опасно, если хочешь;
но нѣтъ ничего еще отчаяннаго.

— Бѣдные, — кто насъ выведетъ от-
сюда? — Есть у тебя крылья?

— Послушай! успокойся, — наше фан-
тастическое отсутствіе изъ залы, въ кото-
рой мы расположились спать, безъ сомнѣ-
нія, до безумія напугаетъ Бартолотти, во-
воображеніе этого человѣка ни мало не спо-
собно къ чудесному. Я замѣтилъ, что въ

немъ свойство страха больше вещественное, и увѣренъ, что онъ отыщеть простую причину нашего отсутствія. — Разумѣется, онъ ничего не станетъ дѣлать, но по крайней мѣрѣ, пропасть наговорить. Двери скоро отворятся потому что разсвѣтаетъ, и не замѣшкаютъ выйти изъ замка искать насъ. Вчерась, Барбость, бѣдный звѣрь сколько могъ, слѣдилъ за мною до основанія бель-ведера; онъ укажетъ нашу дорогу, а по свѣжему паденію развалинъ, её легко узнать; множество почернѣвшихъ мшистыхъ камней, разступившихся тогда подъ нашими шагами, лежатъ теперь свѣжею стороною наружу. Вѣроятно Г. Фабрицій пріѣдетъ; онъ непременно поспѣнитъ соединиться съ нами, и разливъ рѣки, увеличивающійся при каждомъ взглядѣ, принудитъ его ускорить выѣздомъ изъ Сент-Вейта, за тѣмъ чтобъ не расстаться съ нами на долго. Тебѣ извѣстны его дѣятельность, рѣшимость и мужество. Съ другой стороны, добрый Фридрихъ, представленный тобою къ нижнимъ частямъ зданія, которая вода грозитъ потопить, —

не станетъ ждать чтобы она нахлынула, — навѣрно онъ придетъ къ намъ прежде; рассчитавъ это своею обычною проницательностью, и по напрасну не останется на часахъ, когда *Торра Маладетта* запрется наводненіемъ. Фридрихъ также легко, какъ и мы, взойдетъ на бель-ведеръ; слѣды наши въ немъ такъ примѣтны, что я даже могу отыскать ихъ ночью. А рычагъ, мѣшекъ нашъ съ покинутыми инструментами возлѣ подъемной двери, совершенно направятъ его на нашъ путь. — Онъ не замедлитъ и одинъ освободитъ насъ отсюда, — достаточно двухъ или трехъ сажень веревки которыя онъ возьметъ съ собою изъ замка, — и въ полдень мы опять увидимъ огромную залу: — вотъ и солнце ужъ на горизонтъ, — мы проходили дольше чѣмъ я думалъ. Успокойся же, другъ мой, и не сомнѣвайся въ Божіемъ Провидѣніи.

— Такъ-то ты считаешь о пріѣздѣ Г-на Фабриція, возразилъ Сольбіоскій, качая головою, потому что Тагліаментъ

еще не выступилъ изъ береговъ, и о приходѣ Фридриха, потому что Тагліаментъ выступаетъ!

Я почувствовалъ явное противорѣчіе: — Да, Иосифъ, полагаюсь и на то и на другое. Притомъ, сказалъ я, торопливо взявъ мой фонарь, о сую пору ничто еще не доказываетъ, чтобы остатокъ этой эспланады не имѣлъ сообщенія съ чѣмъ нибудь. Не сверху же башни выводили этихъ дамъ на этотъ чудесный балконъ, сдѣланный искусствомъ архитектора среднихъ вѣковъ, чтобы выходить и любоваться прекраснѣйшею страницей живописной природы. Я ручаюсь, что съ небольшимъ вниманіемъ : . . — Но посмотри скорѣе! эта амбразура сдѣлана какъ бы для пальбы, — однакожь она не непроходима.

Въ самомъ дѣлѣ достаточная для прохода человѣку бокомъ, и столь тѣсная по всей своей длинѣ, что сердце мое сильно забилось при одной мысли — ну что если, пока мы ищемъ выхода, развалины хотя

немного сядуть, — выходъ преградится навсегда. Все таки мы прошли въ ней болѣе пятидесяти шаговъ, какъ вдругъ полъ принялъ скользкій и быстрый скатъ, на которомъ я едва могъ удержаться. Протянувъ фонарь правою рукою я устремилъ косвенный и безпокойный взглядъ на короткое разстоянiе, которое онъ освѣщалъ съ моей стороны. И вдругъ принужденъ былъ остановиться у цилиндрическаго отверстiя, гдѣ граничилъ этотъ таинственный путь съ боковыми стѣнами которыя оканчивались въ непроницаемомъ углу. Это была круглая лѣстница въ такомъ же родѣ какъ и первая, — но помѣщала только одного человѣка. — Не время было раздумывать, — осторожно опустилъ одну ногу и нога остановилась на твердой ступенькѣ; такимъ образомъ мы погружались въ эту пропасть, боясь встрѣтить въ ней препону, — повернуться же назадъ было очень трудно.

Наконецъ вошли въ обширную залу, довольно правильно выстроенную; и сѣ-

шили осмотрѣть ея стѣны. Нижнія части были высѣчены изъ живой скалы. Безъ сомнѣнія мы забрались въ подземелья замка; по нашимъ догадкамъ, на нѣсколько сажень ниже жилаго строенія.

Въ этой комнатѣ, величественной и мрачной, было примѣчательнаго только колодець, вырытый въ серединѣ, и который вѣроятно стоилъ неслыханныхъ трудовъ, чтобъ провести его до уровня съ низменностію. Ведро пустое, но еще мокрое опрокинуто на краю; веревка, — на которой висѣло оно черезъ блокъ возлѣ самой желѣзной дужки, гдѣ она была привязана — сыра.

— Какого еще доказательства? сказала я Сольбіускому, что здѣсь живутъ?

— Я въ томъ не сомнѣвался, идя сюда, отвѣчалъ онъ печально, но встрѣча съ жителями его, тревожить меня.

Между тѣмъ какъ мы это говорили,

я перевернулъ ветхую занавѣсъ изъ чернаго сукна, повѣшенную на стѣнѣ посредствомъ желѣзнаго прута на скобахъ; она закрывала входъ въ залу, несравненно обширнѣе той, черезъ которую мы проникли въ эту тюрьму.

Тамъ, въ самомъ дѣлѣ всё возвѣщало жилье цѣлаго семейства , или вертепъ сборища, давно покинутый. Но всѣмъ четыремъ стѣнамъ его, большія кресла стариннаго вкуса; въ каминѣ, довольно безобразномъ, — труба котораго выходила надъ берегомъ Тагліамента у подошвы стѣнъ, — вставлено Венціянское зеркало, отраженіе этого зеркала перепугало меня: такъ то видъ человѣка страшенъ для человѣка одинокаго, лишеннаго помощи общественныхъ учрежденій. Самое лучшее изъ этихъ открытій было — двойныя бронзовыя жирандоли, украшающія два возвышенія, полныя восковыхъ свѣчь, почернѣвшихъ однако отъ сырости и времени. Такая необычайная находка въ этомъ мѣстѣ исполнила меня дѣтской радости, которая еще больше

увеличилась при взглядѣ на потухающій фонарь. Ему оставалось горѣть одну минуту, и столько различныхъ ужасовъ, нами встрѣченныхъ, затмили самую важнѣйшую опасность. Наши факелы и огниво остались въ мѣшкѣ на бель-ведерѣ. Наша свѣтильня, повисшая на растопленномъ воскѣ въ трубкѣ фонаря, издавала только бѣдыя и голубоватыя вспышки, которыя кружились по ней какъ бы намѣреваясь убѣжать. Я взялъ двѣ свѣчи, — и съ какою осторожностію открывалъ дверцу фонаря, въ которомъ таилось наше сокровище, чтобы малѣйшее дуновеніе воздуха не похитило его! съ какимъ трепетомъ я подносилъ бумажную свѣтильню къ этому слабому остатку огня, готоваго погаснуть! Съ какимъ наслажденіемъ смотрѣлъ какъ разливалось пламя его сообщаясь отъ одной свѣчи къ другой; я всё зажегъ, чтобы замѣнить потерю дня. Всё блистало, всё сіяло кругомъ, но отдаленные углы залы, гдѣ свѣтъ являлся и пропадалъ во мракъ, казались еще темнѣе и страшнѣе. Я съ ужасомъ озирался, какъ вдругъ пронзитель-

ный крикъ раздался позади меня. Оборачиваясь, — и Сольбіоскій упалъ лицомъ мнѣ на грудь обнявъ дрожащими руками за шею.

— Тамъ, тамъ, сказалъ онъ мнѣ, указывая пальцемъ позади себя на остальную часть залы, — вонъ тамъ!

— Помилуй, другъ мой, еще что такое? . . . Ты мнѣ не говоришь даже того, что ты видишь.

— Трупъ! трупъ! тѣло убитой женщины!

Я взялъ свѣчу. Въ самомъ дѣлѣ это былъ трупъ, — женщина въ черномъ платьѣ простертая на низкой постелѣ — руки свисли на камень. Я поднялъ ихъ, и переложилъ ее на ея окрававленномъ ложѣ, не замѣтя на ней другихъ ранъ, кромѣ пальцевъ полуобъѣденныхъ зубами дикаго звѣря. Это сказалъ я вслухъ.

— Видишь-ли Максимъ, видишь-ли, возразилъ Сольбіоскій, открывая бѣлыя занавѣсы, которые висѣли надъ нею, и показывая мнѣ на нихъ отпечатокъ пяти пальцевъ замаранныхъ кровью дикіе звѣри *Торра Маладетта* съ руками!

— Іосифъ, сказалъ я ему съ такимъ спокойствіемъ, какое только было возможно при этой страшной сценѣ — простите, если я еще долженъ продлить это душевное томленіе, — Іосифъ! но эта не та несчастная, стонъ которой мы слышали вчера, тому нѣтъ полусутокъ. Видъ же этого мертваго тѣла доказываетъ, что оно уже перестало существовать по крайней мѣрѣ дня три. Впрочемъ, видѣли на кровлѣ двухъ черныхъ женщинъ, а тутъ только одна. Еще жертву можно спасти.

— Но въ какомъ мѣстѣ полагаешь найти другую, вотъ мы всё уже осмотрѣли.

— Всё, до этого мѣста. — Оно поза-

ди другой двери, смежной съ каминомъ, и которую я замѣтила, освѣщая эту комнату.

— Мы вооружились пистолетами, отворили дверь, и вошли въ третью комнату.

Она отличалась отъ прежнихъ убранствомъ своимъ. Высокой сводъ ея и стѣны великолѣпно обложены гипсомъ совершенно свѣжимъ и блестящимъ, и вѣроятно не позже цвѣтущихъ лѣтъ юности Маріо. Въ пространствѣ, длинныя складки прекраснѣйшихъ матерій или живописныхъ обоевъ Венеціанскомъ вкусѣ, пестрили однообразную глубину. Пять или шесть маленькихъ картинокъ, — работы лучшихъ художниковъ, поставленныя между бронзовыми кандебрами, прекрасно вычеканенными, придавали еще болѣе красы этому печальному жилищу, которое старались сдѣлать какъ можно пріятнѣе. Нѣсколько музыкальныхъ женскихъ инструментовъ и роскошный уборный столикъ, — на немъ были разбросаны прелестныя книги и сти-

хи между лентами, кружевами и духами, — ясно обнаруживали его назначеніе. Въ альковѣ богатая постель смятая, не постланная, доказывала, что на ней недавно еще покоились.

Каминъ по старинному высокій и широкій, выработанный искусно и великолѣпно. — Маятникъ стѣнныхъ часовъ и стрѣлка — остановились. Вѣроятно, въ теченіе нѣсколькихъ дней совсѣмъ забыли счетъ времени въ этомъ плачевномъ жилищѣ. Четыре канделабра, украшающія два конца мраморнаго стола, стояли безъ огня, но половина свѣчей — совсѣмъ догорѣли; а другая не была еще зажжена. Эта предосторожность научила меня беречь оставшіяся въ этомъ подземельѣ, въ которое дневной лучъ никогда не могъ проникать, и гдѣ совершенная ночь долженствовала быть ужасною. Я засвѣтилъ въ канделабрѣ двѣ восковыя свѣчи, одну изъ нихъ взялъ въ руки и поспѣшилъ потушить всѣ, безразсудно заженные въ комнату умершей. Наконецъ вспомнилъ о безпокойномъ развѣ-

дываніи Сольбіоскаго, въ которомъ никакое увѣрительное обстоятельство не могло заглушить пагубныхъ предчувствій. Онъ сидѣлъ задумчиво въ креслѣ въ самомъ углу подлѣ камина, гдѣ остатки нѣсколькихъ головней давно уже простыли и чернѣлись среди пепла.

— Тутъ нѣтъ больше ничего, сказалъ онъ мнѣ, ничего больше кромѣ возвышеннаго кабинета, куда можно войти по этимъ ступенькамъ, и на которой я уже взглянулъ. Тамъ то, вѣроятно, эта жалкая узница берегла весь свой сѣвстной запасъ, который до того истощился, что даже не осталось ни малѣйшаго признака, куда она прятала хлѣбъ. Тутъ только одинъ чуланъ полный дровъ.

— Дрова! отвѣчала я вбѣжавъ на лѣстницу. И такъ огня, поскорѣй огня! стужа, усталость, сонъ, до такой степени изнурили меня, что я безъ рывыха лишился бы и мужества и присутствія духа. Разведи огонь, Іосифъ, большой огонь, и

можетъ быть тогда мы приищемъ средство спасенія ; ночь всегдашняя моя покровительница! —

Я уже передалъ ему въ руки нѣсколько смолистыхъ сосновыхъ полѣнъ , которые въ ту же минуту загорѣлись , какъ вдругъ , снимая торопливо еще полѣно , ненарочно я стукнулъ концемъ его въ полъ антресоли , и вдругъ раздался металлическій звукъ , необычайный гулъ котораго удивилъ меня. Мы взглянулись какъ бы совѣтуясь между собою.

— Да, да, сказала Сольбюскій , отвѣчая на мою мысль , ты не ошибся. Мы уже слышали этотъ гулъ ; точно , тотъ самый , который вчерась возобновлялся , не одинъ разъ , въ большой залъ замка.

Я вскочилъ на кѣтку дровъ и стучалъ молоткомъ по тому же мѣсту : — звукъ повторился гораздо ощутительнѣе и лвственнѣе.

— Такъ, вскричала я. Посмотри, даже забыли скрыть отъ глазъ эту подъемную дверь, и посредствомъ ея эта несчастная женщина сошла туда; вѣдь намъ уже извѣстно — нѣтъ другаго выхода къ подошвѣ башни. Впрочемъ, въ ея лѣта, сколько могу судить по испуганному моему взгляду на нее брошенному, ей невозможно было пролѣзть туда по стѣнамъ, и хотя бы Барбарина и не сказала намъ, что уже болѣе двадцати лѣтъ не входили на бель-ведеръ, то развалины его, которыя я первый осмотрѣлъ, не оставляютъ въ томъ ни малѣйшаго сомнѣнiя. Но только это не такая подъемная дверь какъ прежняя, приведшая къ этимъ тайнствамъ — эта крѣпко заперта снаружи подъ этимъ богатымъ ковромъ, подъ которымъ она такъ хитро скрывается. Именно здѣсь должно дѣйствовать, — здѣсь наше освобожденiе, не сомнѣвайся — насъ услышатъ!

— Кто же услышитъ насъ? сказала Юсифъ, горестно посмотрѣвъ на меня. Бартолотти убѣждалъ, Фридрихъ не возвращалъ

ся, господину Фабрицію помѣшалъ Тагли-аментъ? — Развѣ Барбарина? . . . быть можетъ Если и тебѣ не пришло въ голову поднять тотъ огромный коверъ во всю длину — то какъ же хочешь чтобы другіе догадались?

Однакожь мы пробовали разнымъ образомъ перевести подъемную дверь — башня дрожала до самаго верха, но мы не добились толку.

Сошли назадъ; развели большой огонь, разослали матрасы по обѣимъ сторонамъ очага, и всё это молча. Только время отъ времени мы вставали, чтобы опять возобновить наши усилія противъ этого звѣнящаго, но непоколебимаго свода, отъ котораго всё напрасныя удары наши гремѣли надъ нами какъ угрозы смертнаго приговора. Послѣ каждаго опыта мы хранили глубокое молчаніе, — послышался глухой стонъ какъ бы послѣдняго издыханія. Я наклонился, онъ раздавался съ полу, тутъ я увидѣлъ еще нѣчто похожее

на другой трупъ. Дрожь пробѣжала по мнѣ, — и коснулся до него: это была женщина, лежащая возлѣ чулана съ полѣномъ въ рукахъ. Я поднялъ её, взялъ на руки, снесъ, и положилъ на одну изъ постелей, приготовленныхъ нами для себя, — отбросилъ ея длинныя волосы, скрывавшіе ея лице, чтобы лучше увѣриться дышитъ ли она, — глаза ея закрыты и послѣдній остатокъ жизни видѣлся еще на ея судорожныхъ губахъ . . . по такъ страшно смотрѣть! . . . И когда Сольбіоскій поднесъ къ намъ свѣчку, то въ ту же минуту я почувствовалъ, что жизнь покидаетъ и меня самого: — ноги подкосились, и душа моя была готова разстаться съ тѣломъ. — Эта женщина, умирающая или умершая, была Діана!

— Діана, Діана! вскричалъ я, упавъ на колѣни передъ нею и цѣлуя ея охлажденную руку.

— Теперь всё ясно, сказала Сольбіоскій. Марію, справедливо подозрѣваемый

въ похищеніи дѣвицы дѣ-Марсанъ, скрылъ её отъ повесковъ до перемѣны обстоятельствъ, вмѣстѣ съ ея служанкой въ этихъ подземельяхъ. — Нельзя было вдругъ везти большой запасъ провизіи, — такая необычайность обнаружила бы его тайну, — и для этого-то онъ часто отлучался въ Кадрино. Возвращаясь въ замокъ онъ потонулъ, и эти двѣ несчастныя умерли съ голоду въ этой темницѣ, гдѣ и намъ умереть

— Умерла, возразилъ я, Діана жива! . . . она не умретъ! . . . Темнота этого очага оживляетъ её! . . .

— Тѣмъ хуже! горестно отвѣчалъ Сольбіоскій. — Пусть бы лучше умерла, — этою жестокою помощью мы только продлимъ ея плачевное страданіе. И чѣмъ ты станешь её кормить?

— Адекос наказаше! сказала я, вставая и въ припадкѣ бѣшенства и ужаса пробѣгая залу скорыми шагами. Провидѣ-

ніе также глухо какъ и ничтожество! —
Нѣтъ спасенья для Діаны! . .

— И для насъ; отвѣчалъ Сольбіоскій,
котораго могильный голосъ отозвался ко
мнѣ какъ погребальный отвѣтъ приговорен-
наго: — Братъ! намъ должно умереть!

Руки мои скорчились и повисли на
вдѣтъ; на мнѣ былъ дорожный плащъ, —
одинъ изъ кармановъ моихъ оттолкнулъ
руку.

— О! вскричала я съ восторгомъ,
она же не умретъ! . . Я правду сказалъ,
она не можетъ умереть! Благодарствуй,
Онорина! милая Онорина! пусть небо бла-
гословитъ тебя! — Боже мой! прости ме-
ня. — Святая Онорина помолись за насъ . . .

— Что такое, другъ мой? видно от-
чаяніе затмѣваетъ твой разумъ! . . .
Голова твоя кружится! . . . Прийди въ се-
бя! . . .

— Святая Оиорина, помолись за насъ! Діана не умреть! Вотъ вода, огонь, посуда — и пирожное.

Нужно ли рассказывать, что было за этимъ? Наше признательное и ревностное благоговѣніе, — порывы любви къ Провидѣнію минутою назадъ забытому — пославшему намъ такое чудо; наша заботливость оживить Діану, предосторожности привести её въ чувство — все это несравненно легче понять, чѣмъ описать! — Черезъ часъ пульсъ ея сталъ биться хотя медленно но правильно; кровь разошлась по жиламъ оцвѣтила ея помертвѣлыя уста; она дышала, ея сердце билось подъ моею рукой, — глаза отворились; и она дико озиралась кругомъ; на минутою взглядъ ея остановился на мнѣ безъ малѣйшаго удивленія, и потомъ вздохнувши она опять сомкнула глаза.

Я тотчасъ догадался кого она искала, — и боялся отгадывать то что она пошла.

Мы предлагали всевозможное стараніе, чтобы увѣрится въ ея жизни, и совершенно забыли на тотъ разъ какая слабая надежда осталась намъ поддержать это легучее дыханіе, которое мы только лишь оживили. Душа человѣка въ самыхъ крайностяхъ такъ охотно увлекается обманчивою радостью! Ей необходимо вѣрить *съ завтра*, — хвататься за призракъ — вотъ что и придастъ намъ жизнь!

Діана, послѣ внезапнаго воскресенія своего, повидимому потеряла способность говорить! Ея оцѣненъый и смутный взглядъ, едва только освободившійся отъ мрака смерти, не теряя однакожь этого смертнаго выраженія, — не свѣтился даже ни одною мыслию, ни однимъ внутреннимъ ощущеніемъ. Только однажды, чуть чуть она пожала мою руку отворачиваясь отъ пищи, въ которой не нуждалась больше, и опять закрыла глаза, но уже безъ горести; потомъ уснула.

Растопивъ очагъ и зажегши новыя свѣчи, мы тоже легли и спали долго.

Я первый пробудился, и очень кста-ти, немножко спустя всё бы погасло. Діана крѣпко и сладко спала. Я подошелъ къ ней ближе, чтобы прислушаться къ ея дыханію и испытать теплоту его. Потомъ положилъ возлѣ нее на маленькомъ столи-кѣ, освѣщенномъ двумя свѣчами, — остат-ки пирожного; и взявъ фонарь, молча ос-матривалъ лѣстницу балкона. Я точно зналъ, что насъ станутъ искать, но боялся, что эта узкая галерея, гдѣ въ самомъ дѣлѣ мудро полагать проходъ, — оста-новитъ поиски.

Ничто не отвѣчало моимъ догадкамъ. Никакой перемены! — Никто не прихо-дилъ.

Уже солнце перешло полдень. Вче-рашній день, котораго мы видѣли одинъ разсвѣтъ, безъ сомнѣнія былъ прекраснѣй-шій. — Снѣга безпрестанно таяли. Таглі-аменгъ затопилъ всё берега, — онъ взды-мался бѣлыми волнами и разбивался въ паръ у подошвы скалы. Долина, раздѣляв-

ная насъ съ Сент-Вейтомъ, исчезла вся подъ необозримымъ озеромъ, среди котораго возвышалась ея башня подобно мачтѣ неподвижной. Я полагалъ что Г. Фабрицію ни подъ какимъ видомъ нельзя было отпавиться въ дорогу.

Сольбюскій не думалъ освѣдомляться о причинѣ моего отсутствія, а я ничего не говорилъ. Онъ имѣлъ время убѣдиться, что даже самое основательное ожиданіе наше несбыточно.

— Бѣда, неминуемая бѣда! сказала онъ, садясь на постель свою. Ну, что скажешь? — Ночь подала-ли тебѣ ожидаемый совѣтъ?

— Она, другъ мой, совѣтовала не терять духу. Подъемная дверь этого кабинета не можетъ отпереться, а если наша сила превозможетъ ее, то явятся еще большія препятствія, каменная одежда, тяготящая се, скрываетъ какой нибудь секретъ ея устройства, для насъ непонятный. —

Ближе пойдешь, дальше пройдешь. — Надо снова вскарабкаться на эту отчаянную лѣстницу, а для этого нужна лѣсенка, которую мы тотчасъ смастеримъ. — Изъ этихъ кресель мы возьмемъ спинки, стойки и поперечники, скрѣпимъ ихъ— вотъ тебѣ и лѣсенка! — Инструменты въ беспорядкѣ разбросанные Мариѣмъ, по разнымъ угламъ чулана для очага своего, годны къ этой работѣ, которой поможетъ еще острое лезвіе моего кинжала, излишекъ снурка къ которому привязанъ нашъ фонарь, и быть можетъ наши руки, однѣ наши руки! . . . Что же касается до опускающей двери, — мы поднимемъ ее безъ труда. Я замѣтилъ, что одно изъ перилъ балкона, при небольшомъ усилии готово было распаяться, и одинъ пріемъ этой маленькой ручной пиды, повѣшенной на каминѣ, приведетъ нашу лѣсенку въ мѣру, чтобъ достать недоступную дверь, которая противилась намъ потому только, что мы напали на нее съ низу. Нужна лишь рѣшительная отвага, — за чѣмъ терять время?

Въ самомъ дѣлѣ, сказалъ онъ, это послѣднее средство, одно средство, оставшееся намъ, если Тагламентъ выступилъ изъ береговъ. . . .

Потомъ онъ сѣлъ на постель своей, отеръ помертвѣлый лобъ говоря: — я голоденъ.

— Первые раздраженія нужды на долго замолкаютъ, если преодолѣешь ихъ первый позывъ, это великое счастье въ положеніи узниковъ и во время сраженія. Представь себѣ — еще нѣсколько часовъ — и мы свободны!

Я торопился раздѣлить между собою нашу работу.

Эта работа шла мѣшкато; мы были слишкомъ неопытны: — и трудность нашего ученичества увеличивалась, отъ безпрестанно возрастающаго ослабленія нашихъ силъ. Кромѣ необходимаго развлеченія, время отъ времени исподволь кормить

Діану, для которой я раскрошилъ широкое на малѣйшіе кусочки, почти уже съѣденные, — мы попеременно истомлялись и падали въ обморокъ — всё валилось изъ рукъ. Однакожь мы перемогли себя и кончили, — если можно назвать конченной работой, грубыя и неправильныя части, кой какъ соединенныя. — Впрочемъ и то казалось намъ великимъ счастьемъ.

Послѣ этого все распредѣлили въ комнату, по расчету времени, которое предполагали пробыть въ отсутствіи, и дошли до балкона съ неимовѣрными затрудненіями, которыя на каждомъ шагу увеличивались отъ нашего снаряда.

Кто повѣритъ? — Часы, столь медленные для моего нетерпѣнія, оказались быстрее чѣмъ я полагалъ. — Отверстіе платформы освѣщалось днемъ, днемъ новымъ, солнцемъ третьяго полдня. Я удивлялся, что столько томился, и такъ ошибочно размѣрили продолжительность нашихъ страданій; — и горе быстро мчится.

Сольбіоскій проворно взбѣжалъ на балконъ. Я ничего тамъ не ожидалъ найти и остановился позади его.

— Тагламентъ уже выступилъ изъ береговъ, сказалъ онъ склонивъ голову на грудь свою.

— Что пужды до Тагламента и его разлива! отвѣчалъ я. — Вѣдь мы идемъ на бель-ведерь, а не на берегъ.

И тогда-то я попробовалъ трясти желѣзную перилу чувствуя какъ она дрожала, и вѣроятно еще вчера я сдвинулъ бы ее съ мѣста, если бь захотѣлъ. — Теперь она противилась мнѣ. Кровь застыла въ моихъ жилахъ; безъ помощи рычага всѣ другіе приборы остались бы бесполезны. Между тѣмъ какъ я искалъ которое изъ перилъ слабѣе утверждено, искалъ напрасно, не говоря Сольбіоскому о причинѣ моего безпокойства, вдругъ что-то длинное и круглое скатилось къ моимъ ногамъ; — это былъ желѣзный запоръ, свалившійся

самъ собою отъ усилій бури или времени. Я схватилъ его и потащилъ за собою со ступени на ступень, — онъ былъ очень тяжелъ. Мы шли медленно, входили не твердыми шагами съ частыми роздыхами; присутствіе духа насъ покинуло даже въ минуту освобожденія. Еще мигъ отдохнули на ступенькахъ, примыкавшихъ къ круглой лѣстницѣ, чтобъ подпилить нашу лѣсенку по вышинѣ опускной двери. Отрѣзокъ, составлявшій большую часть всей лѣсенки, мы оставили на площадкѣ послѣдней стѣны — и взошли на верхъ.

Опять сѣли, опять обнялись; размѣнялись нѣсколькими словами, ободряли другъ друга: — это пужно было.

Наконецъ обернулись спиною къ стѣнѣ, откуда нашъ рычагъ могъ дѣйствовать всею длиною своею, подмостились на перекладинахъ нашей лѣсенки, ламыхъ крѣпкихъ лучше вдѣланныхъ. Согнувшись взошли мы подъ желѣзную дверь, которая разлучала насъ съ небомъ и жизнью, и впу-

ская по немногу острый конецъ нашего лома въ то мѣсто гдѣ края опускной двери были неплотны въ закраинахъ, къ другому концу его приложили всю силу четырехъ рукъ своихъ, съ остаткомъ бодрости, которую придавала намъ надежда и отчаяніе.

Петли опять закричали какъ и въ первый разъ; дверь поднялась и открыла проходъ для другаго человека; полный утренній свѣтъ проникъ въ башню своими блестящими лучами, и навѣялъ въ нее чистымъ и свѣжимъ воздухомъ этой возвышенной стороны.

— Мы спаслись, вскричалъ я, — еще минута и мы свободны.

Въ то самое время всѣ камни окружавшіе подъемную дверь, пошатнувшись отъ ея движенія, рухнули на нее съ ужаснымъ трескомъ; она съ грохотомъ упала, и отбросила насъ далеко на помость.

— Мы не спаслись, отвѣчала Сольбіоскій обнимая меня, я предсказывала тебѣ: мы погибли!

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи при грохотѣ развалищъ продолжавшихся надъ головой; это потрясеніе сообщилось и другимъ частямъ парашюта и безъ того уже разсѣвшимся, гдѣ онъ наклонился на верхъ бел-ведера, и камни его увѣнчивающіе все падали и катились.

Уже безъ страха я воображалъ, что онъ весь обрушится и задавитъ насъ. — Наконецъ гуль умолкъ, между тѣмъ какъ своды строенія вторили его въ безчисленныхъ отголоскахъ. — Башня вздрогнула какъ тополь, у котораго гроза сорвала верхушку. — И потомъ все онѣмѣло и стало неподвижно.

Нашъ фонарь, по счастью, крѣпко запертый со всѣхъ сторонъ не погасъ отъ сотрясенія. — Я взялъ его съ самонадѣльнѣемъ, которое почти уже покидало меня, и схвативъ за руку Сольбіоскаго:

— Пойдемъ , сказалъ я ему , еще не въ чѣмъ отчаяваться . — Эта внезапность отзовется и на дворъ замка , куда обломки стѣны упали съ вершины . Естественное направленіе ихъ съ этой стороны . И бѣда наша послужить намъ въ пользу , она заставитъ догадываться о нашемъ положеніи , усиліяхъ и опасностяхъ . Вѣрь , что въ эту минуту какъ я говорю съ тобою , нижняя опускная дверь отворена . Пойдемъ , ради Бога , который не оставитъ насъ .

Сольбіоскій бросилъ на меня взглядъ , выразившій самое горькое невѣріе и язвительную насмѣшку .

Я отвернулся и потащилъ его за собою на круглую лѣстницу .

Мы сошли ни говоря ни слова . Наша лѣсенка подходила еще къ стѣнѣ не смотря что обрѣзана . При второмъ обрывѣ прямой лѣстницы она оказалась короткою . Можно было предвидѣть это , если бъ мы предвидѣли что намъ должно возвратиться .

Но я забылъ объ этомъ. Мы съ трудомъ очутились тамъ, повѣсившись на нашихъ ослабѣвшихъ и дрожавшихъ рукахъ, со всѣми мышкатыми и робкими предосторожностями. Наконецъ таки дошли какъ бы въ убѣжище какое, — къ недоступному балкону Тагліамента.

Ночь. — Прятавшаяся луна изрѣдка бросала брежжущее сіяніе на рѣку, которая примѣтно выступала изъ береговъ; — вѣтеръ *Бора* дувшій тогда, прохолодилъ температуру, и на нѣсколько времени остановилъ источникъ разлива. Быстрые и бурные облака кругомъ насъ гнали рѣзкой иней. Я все еще позволялъ себѣ радоваться этой слабой надеждѣ.

— Холодно, сказалъ я, снѣга не растаютъ; Тагліаментъ понижается; морской берегъ свободенъ. Если докторъ Фабрицій не пріѣхалъ сегодня въ *Торра Маладетта*, то непременно будетъ здѣсь завтра.

— Что толку если онъ завтра и бу-

дѣтъ здѣсь, — вѣдь не пособить намъ? сказала Сольбіоскій, обмирая на рукахъ моихъ.

Я прилагалъ все силы призвать его къ жизни, которая казалось совсемъ погасла въ немъ. Наконецъ, онъ очнулся самъ собою на одну минуту, и минуту спустя обмеръ опять. Мало по малу эти попеременные состоянія стали перемежаться почти въ равныя времена. Тутъ я понялъ, что въ свою очередь тѣ же послѣдствія угрожаютъ и мнѣ, и спѣшилъ дойти до отдаленной комнаты Діаны. — Но тутъ я съ ужасомъ разчислялъ разстояніе къ ней. Къ тому еще и фонарь мой гасъ, съ утра мнѣ и въ голову не приходило запастись на обратный путь, который казался мнѣ вовсе несбыточнымъ. Страшно, науки физиологическія, изученныя мною подъ надзоромъ знаменитыхъ учителей, не дали мнѣ рѣшительнаго свѣдѣнія, сколько времени челоѣкъ можетъ обойтись безъ пищи. — Я удивлялся тому, что еще живъ.

Не стану описывать вамъ подробностей этого безконечнаго перехода; но напрасно хотѣлъ бы избавить васъ отъ огорченія отгадать ихъ. Вы сами припомните этотъ тѣсный корридоръ, гдѣ легче ползать змѣямъ нежели людямъ. Вѣроятно вы не позабыли эту глубокую и узкую пещеру, — другой винтовой колодець, обѣщающій только могилу. Туда-то безъ меня ступайте мысленно, за двумя полу-мерзвцами, которые съ медленною одышкою, чуть чуть влекутся сквозь пространство, едва проникаемое для самой живости, силы и терпѣнія. Кто объяснить сколько времени это продолжалось! — Сколько разъ, изнемогая отъ труда безпредметнаго и безпадежнаго, мы сами твердили себѣ: — «Довольно, можно и здѣсь умереть!» — Сколько разъ мы оживали не знаю какою бодростію души, подаваемою любовью къ жизни, — собирали всѣ силы, чтобы безъ пользы дойти до порога другой могилы! — Наконецъ, мы пришли, то ногами, то ползкомъ въ комнату умершей, — вдругъ нашъ огонь вспыхнулъ и погасъ.

— Пришли? Спросилъ уменя Сольбіоскій, ложасть на скалу. — Что я ни зги не вижу?

— Нѣтъ еще; отвѣчалъ я, у насъ погасъ огонь; — но вторую дверь легче найти если я не ошибаюсь, слѣдую рукою по стѣнамъ. — Подожди, братъ, подожди меня.

Тогда качаясь вдоль холодныхъ перегородокъ скользилъ я, безпрестанно отдыхая на колѣняхъ, чтобъ собрать одышку.

Какая-то выдававшаяся мебель отвела меня. Неспособный слѣдовать по ней всю ея длину не подпираясь, я протянулъ руки, чтобъ найти стѣну, которая не могла быть далеко; — искалъ, искалъ, и не нашелъ её. Ужасъ обнялъ меня; ноги подкосились и я упалъ на мертвое тѣло.

— Тутъ-ли? вскричалъ Сольбіоскій; не уронилъ-ли ты дверь? — Что я не вижу?

— Погоди еще; отвѣчалъ я леденя

огъ страха; подожди меня, Іосифъ, подожди меня!

Я опять пустился въ этотъ отчаянный путь среди смертельной темноты, о которой никакая ночь не можетъ дать понятія. Черезъ долгое время занавѣсъ уступилъ подъ моими руками, я проворно отодвинулъ его. — Всѣ свѣчи погасли.

— За чѣмъ же ты заперъ дверь за мною? сказалъ Сольбіоскій. Ты дошелъ и я не вижу. Ужели и ты покидаешь меня?

Я молчалъ. Минута медленности могла насъ погубить. Я прямо кинулся къ очагу, опираясь и на право и на лѣво на тѣнѣнны, гдѣ мы отдыхали на второй день, и топталъ ихъ руками.

— О счастье! вскричалъ я въ изступленіи; есть еще; есть еще! . . .

— Отворена ли опускная дверь? возразилъ Сольбіоскій. — Опускная дверь отворена! Максимъ, не покидай же меня.

— Искра, другъ мой, искра и угли! —
Комната тотчасъ освѣтится.

Казалось я воротился къ жизни; провожалъ, или лучше, я тащилъ на постелю моего жалкаго Іосифа, который былъ при послѣднемъ издыханіи.

Потомъ подошелъ къ Діанѣ; ея глаза были открыты и по обыкновенію неподвижны: но несравненно блистательнѣе, пламенинѣе и бользненнѣе; цвѣтъ лица ея разгорѣлся; — пульсъ бился скоро и безпорядочно.

— Всѣ ли она съѣла? Спросилъ Сольбіоскій, съ трудомъ подымаясь на свои руки.

— Да, отвѣчалъ я ему, всё съѣла! нужды нѣтъ, лихорадка спасаетъ отъ голода: — народное цовѣрье говоритъ, будто она питательна.

Отъ изнеможенія Сольбіоскій снова упалъ.

Я уже хотѣлъ испытать послѣдній способъ возбудить вниманіе жителей замка, — если они еще были въ немъ. Но опасался, чтобы оно не произвело смертельнаго впечатлѣнія надъ Діаной при внезапномъ пробужденіи, и я съ умысломъ громко пересказалъ Сольбіоскому обо всѣхъ подробностяхъ нашего положенія, предоставляя ей угадать имена друзей, отъ которыхъ мы ждемъ освобожденія, — за тѣмъ, чтобы она могла утѣшиться по крайней мѣрѣ мыслию, что Маріо живъ еще. Діана пристально и нѣмо взглянула на меня, будто слушала съ безмысленнымъ вниманіемъ. — Такъ мнѣ показалось. Когда же пересталъ говорить, она ни малѣйшимъ знакомъ не отвѣчала; — обернулась на противную сторону и по видимому заснула.

Я отвязалъ отъ пояса Сольбіоскаго два пистолета, которыми онъ былъ вооруженъ. — Сошелъ подъ звонкую опускающую дверь, и выстрѣлилъ два раза. Послѣ минутной пережки выстрѣлилъ опять изъ обѣихъ монъ — и прислушивался къ вѣнному

отголоску. Мнѣ чудился смутный гулъ, похожій на шорохъ топанья и клика, но уже въ теченіе двухъ или трехъ сутокъ, эти безпричинные отголоски, такъ часто обманывали мой слухъ и умъ, что я вовсе лишился способности различать сущность отъ оболъщенія моихъ болѣзненныхъ чувствъ.

Мнѣ хотѣлось сдѣлать еще послѣднее покушеніе быть услышаннымъ; — я схватилъ сосновое полѣно, чтобы ударить имъ еще разъ по опускной двери; — приподнялъ его на нѣсколько футъ по выше грунта, — и уронилъ. Опять наклонился за нимъ, чтобы снова приподнять его, и уже не могъ поднять.

Тогда шатаясь я подошелъ къ камину, чтобы поправить огонь и оживить нашъ погребальный свѣтъ. На это я употребилъ все что было по силамъ — щепки и свѣчки, оставшіяся у меня, зная что уже болѣе не будемъ въ нихъ нуждаться. — Часъ, а можетъ и много часовъ употреблено на эту работу, — и еще прошелъ часъ, пока

уложилъ себя въ саванъ, котораго ни чья рука не долженствовала защитить на мнѣ. — И это кончилось на всегда.

Сольбюскій обернулся и произнесъ могильнымъ голосомъ : — который день теперь?

— По моему былъ разсвѣтъ пятого, — но я ему не отвѣчалъ ни слова.

Съ этихъ поръ время текло между неслыханными страданіями и изнурительною истомою, которыя, по моему мнѣнію, должныствовали прервать мою жизнь. — Но и тутъ еще набѣгали волшебныя минуты, въ которыя всѣ предметы казались въ фантастическомъ, прихотливомъ видѣ — какъ театральная декорация, или сонныя явленія. Тѣни отдаленныхъ стѣнъ двигались, расходились, сливались съ чудными исполинскими образами, обнимались, связывались однѣ съ другими и проворно ворочались кругомъ меня смѣшавшись и завывая. Огни восковыхъ свѣчей такъ высоко отдѣлялись и

прыгали надъ свѣтильной, что я едва успѣвалъ слѣдовать за ними. Знакомые голоса доходили до ушей моихъ подобно дыханію, или звучали надъ моею головою съ язвительнымъ и прискорбнымъ смѣхомъ. Но лишь только я закрывалъ глаза, чтобы укрыться отъ этого мерещенья, то послѣднее чувствованіе, переданное уму неизъяснимою цѣпью идей, продолжалось неопредѣленнымъ образомъ въ моей мысли. То было гудѣнье или однозвучный говоръ, вторившій одно и то же.

Иногда же бредный обморокъ мой переходилъ въ сонъ и тогда сцена чудеснымъ образомъ измѣнялась. Въ мечтаніяхъ моихъ являлся воздухъ, солнце, женщины и цвѣты. То вдругъ переносился я въ шумное общество, гдѣ все пировало и веселилось. — Столы полнѣшеньки всего вкуснѣйшаго, — я тянулся къ нимъ, доставалъ пищу — но она во рту моемъ превращалась въ безвкусный и горькій песокъ. Онорина вездѣ, со своимъ маленькимъ лоткомъ и безподобнымъ пирожнымъ, поминутно въ

глазахъ.—Купите, сударь, слышалось, купите мое вкусное пирожное и самый лучший Падуанскій вермишель, — пригодится; вы не сыщете вкуса въ цѣломъ Кадрино. — Но лишь только я хотѣлъ схватить пирожное, изнеможенные руки мои опускались и не могли достать его, а слабые зубы не въ силахъ откусить.

Потомъ я вдругъ пробуждался отъ раздражающихъ вздоховъ, которые долго еще отзывались послѣ моего пробужденія.

— Что это такое? вскрикнулъ я одинъ разъ изъ послѣднихъ силъ.

— Ничего, отвѣчалъ Сольбіоскій. Это вѣроятно дѣвица дѣ-Марсанъ умираетъ.

— Боже мой; возразилъ я, сжался надо мною! Святая Онорина, помолись за насъ!

Того времени нельзя изчислить; сонъ мой быль иногда мертвый и продолжи-

тельный. Припоминаю одну такую минуту, что открывъ глаза, я не видѣлъ свѣта. Это наступила та конечная ночь, та ночь вѣчная, которую я съ ужасомъ предвидѣлъ и съ такимъ усиліемъ старался отдалить, вчера или наканунѣ, или еще день прежній. То былъ послѣдній мракъ мой. — Хотѣлъ встать, — и не могъ.

— Вотъ что хорошо, сказалъ я про себя. Кончено. Это навѣрное смерть!

— И приготовился умереть; но попробовалъ протянуть руку, чтобъ на нее склонить мою голову, — наткнулся на чью-то оледенѣлую руку.

— Кто тамъ? прошепталъ я вздрогнувъ, какъ будто встрѣча съ убійцею могла испугать меня.

— Это я, отвѣчалъ Сольбіоскій, сила котораго скорѣе ослабла чѣмъ моя, и потому дольше сбереглась. — Не пугайся! Я не сдѣлаю тебѣ вреда. — Миѣ только пужень твой кинжалъ.

— На что тутъ кинжалъ? Ужь не думаешь ли ты, что скрываются люди въ подземельяхъ башни?

— Нѣтъ. Въ ней только однѣ мертвыя тѣла; впрочемъ я нашелъ одно, которое своимъ упрямствомъ жить, — ужасно мнѣ надоѣло, и я непременно хочу отъ него избавиться. Дай, дай скорѣе твой кинжалъ, и напейся моей крови; говорятъ, что она поддерживаесть жизнь. — Почему знать? Тагламентъ можетъ быть по прежнему въ берегахъ своихъ. Г. Фабрицій вѣроятно прибылъ сюда.

Я отбросилъ мой кинжалъ отъ себя, какъ только могъ, далеко. Я слишкомъ былъ увѣренъ, что Сольбіоскій не пойдетъ искать его. Эта мысль занимала меня.

— Милый братъ, сказалъ я заплакавъ, ты лежишь на скалѣ; приди, приди и лягъ возмъ. Иосифъ, не оставляй меня! Господи, пощади насъ!

Не знаю, — его-ли къ себѣ притащилъ или самъ къ нему приползъ, — только мы коснулись другъ друга.

— Онорина! вскричалъ онъ, несчастная Онорина, юная невеста готовить ленты и цвѣты . . . Онорина добрая и прекрасная! И ты, Максимъ, котораго я много любилъ и никогда больше не увижу! О, если бъ еще разъ день, одинъ только день освѣтилъ насъ! — Но отсюда страхъ далеко, балкоуъ же такъ высокъ Никогда, никогда!

Ужасный обморокъ ошибъ меня. Когда Иосифъ замолчалъ, я силился наклониться къ нему, чтобы увѣриться дышитъ ли онъ? — Онъ отвернулся отъ меня съ ужаснымъ стономъ. — Слышился неленный шумъ, и пропадалъ какъ бы и не былъ вовсе. — Я старался опять уловить его. Наконецъ и мысль моя совершенно обмерла. — Я впалъ въ забвеніе. — Опять грезились пиры которые я покинулъ и маленькая Онорина съ пирожнымъ, и святая

Оворина, простирающая ко мнѣ свои утѣшающія руки изъ глубины фантастической картины Пардсона.

Между тѣмъ шумъ возобновлялся. То былъ ломъ, подкопъ, — Тагліаментъ съ ревомъ подымался на башню; — падалъ въ ровъ — маленькая Оворина, плачущая на порогъ церкви, безпрестанно повторяющая: — купите, сударь, купите мое вкусное пирожное! Вамъ не сыскать лучшаго во всемъ Кадроппо! — Я спалъ.

Когда же я опомнился, то спросилъ у Сольбюскаго: — Ты спишь? — Онъ не отвѣчалъ.

Я деревенѣлъ, часъ отъ часу сильнѣе. — Потерялъ весь смыслъ времени, мѣста и самаго себя. Иногда у меня вырывались отрывистыя слова: Гдѣ я? — И память моя походила на пропасть, въ которой я не могъ отыскать самаго себя.

Наконецъ я уже ничего не думалъ.

Слухъ одинъ еще приносилъ мнѣ неполныя и смутныя ощущенія, — крикъ, стонъ, шумъ водопада и бурь. Я покушался вторить моими рыданіями и крикомъ, этой изнеможенной природѣ, но у меня не доставало голоса.

Часы вѣчности не могли бы измѣрить подобныхъ часовъ. Когда же они миновались, я нашелъ себя не знаю гдѣ-то; дель небесный освѣщалъ меня. — Можетъ то было утро. Едва я открылъ глаза, тотчасъ же и закрылъ, — солнце беспокоило. Жаръ во рту полегче, въ членахъ менѣе чувствовалъ истомы. Какое-то сладкое питье освѣжило меня, и я вкушалъ его. Покрайней мѣрѣ я чувствовалъ мое страданіе. — Казалось что я живъ.

— Такъ несравненно лучше сказалъ я самъ себѣ. — Надобно такъ остаться и умереть.

. Я снова взглянулъ; питательный сокъ опять возбудилъ во мнѣ и вкусъ и жизнь.

Чудное зрѣлище представилось мнѣ тогда! Обширная зала, въ которой никогда я не пробуждался, — не въ отцовскомъ домѣ, не въ гостиницѣ и не въ тюрьмѣ! Всего болѣе удивлялъ меня полъ ея. Онъ весь былъ глубоко взрытъ и во многихъ мѣстахъ покрытъ лавою. По срединѣ его широкое четырехугольное отверстіе, которое повидимому вело въ погребъ.

Торра *Маладетта*, вскричалъ я, *Торра Маладетта!* подъемная дверь открыта! Діана, Іосифъ, Анна, идите ко мнѣ, идите! я нашелъ дорогу! Ради Бога не мѣшайте, тутъ и безъ васъ довольно мертвецовъ!

— Никто, кромѣ Анны не умеръ, отвѣчалъ мнѣ докторъ Фабрицій, стоявшій опершись у изголовья моего. — Было уже очень поздно.

— Другъ мой, отецъ мой, сказалъ я, схвативъ его за руку. — А Діана, а Іосифъ!

— Живы! — Теперь тебѣ лучше, продолжалъ онъ, и намъ можно объясниться. Это необходимо; время дорого. Послѣ узнаешь все обстоятельства, замедлившія твое освобожденіе. Надежды цѣлаго свѣта уничтожились въ нѣсколько сутокъ. Блестящіе успѣхи увѣнчали армію и приверженцевъ Наполеона. Права независимости народовъ не потеряны: и безъ сомнѣнія никогда не потеряются; но я старъ и не доживу до ея торжества. Голова моя и Иосифова — оцѣнены уже. При первой увѣренности о его выздоровленіи я поспѣшилъ удалить его въ безопасное мѣсто, откуда онъ легко можетъ переправиться въ Германію. Она еще не вся передалась тирану. *Торра Маладетта* не останется безъ обыска, и я до тѣхъ поръ не могъ еѣ покинуть, пока не привелъ тебя въ чувства. Теперь прсбилъ часъ разлуки нашей. Въ силахъ ли ты отправиться въ путь? . . .

— Иосифъ! любезный мой Иосифъ! онъ говорилъ мнѣ, что мы уже больше не увидимся! . . . Другъ мой, гдѣ же Діана?

— Діана жива. Время сильнѣе моихъ пособій, и вѣроятно избавитъ еѣ отъ нужды и помѣшательства. — Ни одно слово не вырвалось изъ устъ ея, никакое ощущеніе не проглянуло на ея безмолвномъ лицѣ, даже и тогда какъ ея новая горничная сегодня поутру, подала ей траурное платье, которое она должна носить какъ вдова и сирота. Сперва я очень полагался на этотъ переломъ; и больше чѣмъ на все другія лѣкарства. Но напрасно. — Только на предложеніе мое, удалиться отсюда до новой перемѣны вещей, въ *Аннуизита* Венеціи, гдѣ ея соотечественники и родня; на это, повидимому, она отвѣчала мнѣ согласіемъ, съ тѣхъ поръ торопливость и безпокойство ея движеній, обнаруживаютъ въ ней необходимость оставить эту башню, которая напоминаетъ ей столько ужасовъ. — Теперь нѣсколько словъ лично о тебѣ. — Желаніе Маріо съ тобою видѣться здѣсь, объясняется твоимъ собственнымъ рассказомъ, который вчера сообщилъ мнѣ Сольбіоскій. Зрѣлище того, что несчастный Маріо называлъ блаженствомъ своимъ, была

та небольшая награда, которою хотѣлъ онъ заплатить тебѣ за твою великодушную дружбу. Еще другая причина присоединилась къ этому, суди по письму Шастелера, который поручилъ ему тебя увѣдомить, что повелѣніе захватить тебя уничтожено во Франціи, и это должно быть сообщено Венеціанскому правительству. Съ того времени никакія новыя событія не могутъ обезславить тебя и ты по волѣ своей можешь смѣло летѣть на родину къ своему отцу. Твое благополучіе и безопасность требуютъ того; если захватятъ тебя въ *Торра Маладетта*, гдѣ обстоятельства столь жестокія скрывали твое пребываніе, ты неизбежно подвергнешся осужденію на смерть, разразившемуся надъ послѣдними обитателями его. Я знаю что хочешь ты сказать мнѣ, но это слѣпое доказательство безполезной приверженности, впутаетъ только въ наше несчастіе еще одного несчастнаго. Впрочемъ ты долженъ выполнить священную обязанность. Нельзя оставить Діану безъ присмотра, пока она не въ монастырѣ; и среди печальныхъ хлопотъ о соб-

ственной моей семьѣ, могу-ли найти ей друга върнѣе и надежнѣе тебя. — И такъ подкрѣпи свои силы хорошею пищею, и сегодняшней же вечеръ уѣзжай съ нею по захожденіи солнца, чтобы бдительность шпионовъ не открыла твоего выхода. — Въ Порто-Грюаро ты найдешь совсѣмъ готовое судно, — а Діану ждутъ уже въ монастырѣ.

Теперь, продолжалъ онъ, обнимая меня, — простимся — время дорого — мнѣ нужно еще многое распорядить, не станемъ растравлять горести разлуки медленными прощаніями. Я старъ, но не отчаиваюсь еще увидѣться съ тобою; впрочемъ чтобы ни постигло, сбереги сердце твое и жизнь для друзей.

Только что ночь совсѣмъ наступила, а она была очень темная и луна спряталась, — слуга докторовъ кришель сказать, что все готово и проводилъ меня до кареты. Я взошелъ и сѣлъ на противъ двухъ женщинъ, которыхъ не могъ рассмотреть.

Черезъ два часа мы прѣхали въ Порто-Грюаро; — еще нѣсколько минутъ, и мы плыли по взморью. Я подалъ руку Діанѣ, чтобы ввести её на судно, и она крѣпко сжавши не выпускала её. — Молчала, вздыхала, задумывалась, и нѣсколько разъ придвигалась ко мнѣ съ трепетомъ, какъ будто отъ внезапнаго испуга. Это явленіе смутно таятся въ моей памяти, — впрочемъ я никогда не вспоминаю объ немъ безъ содроганія. — Это точно переправа двухъ тѣней на Хароновой лодкѣ, но двухъ тѣней такихъ, которыхъ преждевременный приговоръ осудилъ на два различныя жребія, и которыя растаются между собою на вѣки. Наконецъ при однозвучномъ отголоскѣ веселья, въ ладъ разсѣкавшихъ волны, я заснулъ; — гребцы напѣвали унылую пѣсню.

Я пробудился, когда сильная качка известила, что мы уже въ открытомъ морѣ. Великолѣпно блистало солнце, которое я отчаявался уже видѣть. Чистая лазурь моря отражалась подъ нимъ какъ другое не-

бо, а Венеція со своими высокими фронтонами, башнями, куполами и колокольнями, гордо блистала при появленіи солнца, какъ будто она была всегдашнимъ его чертогомъ.— Необозримая поверхность водъ походила на великолѣпное лазурное преддверіе дивнаго города. — Я думалъ что все еще сплю, потому что почти разучился жить и чувствовать мою жизнь. — Рука Діаны все была въ моей рукѣ; я обернулся къ ней чтобы узнать раздѣляетъ-ли она со мною мое восхищеніе и оживаетъ ли она подобно мнѣ, при видѣ такого торжественнаго воскресенія природы. Остолбенный взглядъ ея отражалъ нѣмое отчаяніе то самое, которое я уже прочелъ въ *Торра Маладетта*. Я вспомнилъ, что между этими пышными верхами, которые поочередно перекрашивались изъ нѣжнаго розоваго цвѣта въ самый яркій пунцовый и потомъ непримѣтно изъ этой отѣнки переходили въ огненный, блестящій, какъ бы въ день торжества какого, — она могла узнать кровлю отца своего. Я вспоминалъ и то, что не болѣе трехъ мѣсяцевъ

назадъ, быть можетъ это самое судно бѣжало по этимъ же волнамъ неся её, полную любви, къ сердцу Чинчи. — Всё это живо закружилось въ головѣ — огонь мой потухъ ; я пересталъ быть счастливымъ и восторженнымъ, и съ невыразимою тоской снова упалъ въ мѣръ разочарованной дѣйствительности.

Рука моя онѣмѣла и опустилась, — я пересталъ чувствовать что она переплелась съ ея рукой. — Не знаю поняла ли меня Діана? — Почему же и нѣтъ, этотъ языкъ такъ обилень ! — Но она удержала меня за руку. — Я посмотрѣлъ на нее, и кажется поймалъ горькую улыбку на ея устахъ, какъ молнію въ облакѣ.

Мы пристали къ берегу среди шумныхъ и волнующихся моряковъ.

— О! сказалъ одинъ *николото* (*), сто-

(*) *Николото* зовутъ жителей паселяющихъ часть Венеціи и занимающихся пляжею работою. Это тоже, что предместье Сент-Марка.

явшій на берегу въ ожиданіи груза, — это галіють храбраго Чинчи, такого добраго къ бѣднымъ Грюарскимъ гребцамъ. Но добраго Чинчи больше нѣтъ уже на свѣтъ!

— Замолчи пожалуйста, сказалъ я ему, стараясь заглушить его голосъ, и давая потихоньку секинъ въ руку. Возьми вотъ эти бумаги и отнеси ихъ въ *Аннунзита*, но ради Бога, перестань говорить.

Къ счастью, безсмысленное вниманіе Діаны развлекалось тогда усердною заботливостію двухъ монахинь, которыя ждали её съ самаго разсвѣта, и тогда только перестали возвеличивать благочестіе и святость своего монастыря, когда замѣтили, что Діана нѣма и помѣшана.

Они шли впереди насъ до самаго порога святой обители, перебирая своими гибкими пальцами большія полированные четки. Ворота монастырскія отперлись и насъ церемонно повели въ пріемную.

Игуменья была Француженка. Она превосходила красотой всѣхъ прекрасныхъ и молодыхъ эмигрантокъ, — бѣдная Клара! . . . одного имени ея, написаннаго на могилѣ, достаточно для мірской славы, еслибъ такія добродѣтели имѣли что нибудь общее съ міромъ. Въ присутствіи другихъ сестеръ съ нѣжною преданностію она взяла меня за руку, потому что мы съ дѣтства знали другъ друга.

— Я знаю, любезный Максимъ, сказала она, всё чѣмъ тебѣ обязана наша сестра. Со временемъ сынъ мой, ты сыщешь свою награду на небесахъ. — Прощай!

Въ это время Діана смотрѣла на меня внимательно, какъ будто училась узнавать меня, — и потомъ опять задумалась. Тихими шагами я пошелъ отъ нихъ.

— Максимъ! Максимъ! вскричала она наконецъ громко и явственно, — прощай Максимъ! прощай навсегда!

Тогда затворились двое воротъ: одни скрыли ее въ этомъ убѣжище мира, а другіе отбросили меня въ среду бурныхъ превратностей жизни.

Солнце жгло. Я шелъ безъ цѣли и безъ мысли. — Безцвѣтныя понятія бродили въ головѣ, — ноги еще не укрѣпившіяся измѣняли. Когда я прибѣлъ въ мою обычную гостинницу, то отъ изнеможенія и скорби упалъ въ обморокъ.

Слѣдующіе три мѣсяца я провелъ попеременно то въ бреду, то въ моральной неподвижности и безпорядочной лихорадкѣ. — Мнѣ извѣстно только по сближенію чиселъ сколько времени это длилось. Впрочемъ ничего не помню.

Наконецъ я пришелъ въ состояніе выхватить изъ Венеціи 16-го Іюля. Здоровье мое далеко еще не возстановилось; но я боялся ужасныхъ впечатлѣній ежеминутно возобновлявшихся въ душѣ моей отъ предметовъ меня окружавшихъ, и собрался въ

десять часовъ тогда какъ судно отправлялось не ранѣе полудня.

По старой привычкѣ, я принужденъ былъ обождать у кофейнаго дома Флоріана, въ галлерей башни и спросилъ чашку шеколаду.

Кругомъ меня толпились, — съ жадностію читали Журналы, и не смотря на мою безпечность, происходящую отъ глубокаго расслабленія, я всё таки не могъ не замѣтить происходившаго вокругъ меня. Вотъ уже сто дней, въ эту незабвенную эпоху когда каждый день давалъ новую страницу исторіи — я былъ чуждъ ко всѣмъ происшествіямъ вселенной, какъ будто подъемная дверь *Торра Маладетта* все еще лежала надо мной. Изъ немногихъ словъ доктора Фабриція, зналъ только, что почти вся надежда на независимость для Германіи какъ и для Франціи, потеряна, — и тутъ случайно я вспомнилъ это.

Мелькомъ взглянулъ на листъ, — то былъ *le Courrier de Trieste* Аббата Кошетти.

Всѣ торопливо подвинулись, чтобы хорошенько вслушаться въ послѣднія строки Бюллетеня.

»Побѣда одержанная 6-го этого мѣсяца въ Ваграмѣ войсками Императора, произнесъ съ романическимъ удареніемъ и смѣшною выразительностью читающій итальянецъ, уничтожила навсегда всѣ надежды враговъ Франціи и рода человѣческаго.

»Никогда еще великодушіе Е. И. В. не обнаруживалось съ такимъ блескомъ какъ въ этомъ случаѣ; своимъ снисхожденіемъ онъ прикрылъ заблужденіе народовъ. — Законы не пощадятъ однѣхъ возмутителей.»

»Замокъ, гдѣ собирались заговорщики, принадлежавшій Чинчи, по имени Маріо, и прозваннаго *Джельмъ Венеціи*, совершенно срытъ. Въ подземельяхъ его найдено множество мертвыхъ тѣлъ.»

»Гнусный поджигатель заговоровъ, про-

» званный Фабриціемъ, въ лицѣ котораго
» кажется, скрывается илюминать Гос-
» шманъ, сообщникъ Арндта, Пальма и Ша-
» стелера — бѣжалъ. — Его ищутъ.

» Голова лицемѣра и измѣнника Андреа
» Говера дорого оцѣнена. Это чудовище, по-
» крытое злодѣйствами, за его дѣла не укрост-
» ся отъ должнаго воздаянія.

» Его секретарь Іосифъ Сольбіескій,
» Богемецъ, бродяга, выдающій себя за По-
» ляка — пойманъ. Сольбіескій хитрый и
» свирѣпый разбойникъ необычайной силы:
» — правосудіе не замедлитъ наказать его.»

— Сольбіескій, сказалъ я самъ про
себя, Сольбіескій хитрый и свирѣпый! и
мерзавцы даже не знаютъ его имени!

Въ бѣшенствѣ и отчаяніи моемъ я ку-
салъ свои пальцы. Ахъ! за чѣмъ не умеръ
я въ *Торра Маладетта!*

— Погодите, погодите, господа! ска-

заль читающій улыбувшись; тутъ еще маленькій *post-scriptum* отъ редактора:

»Сегодня утромъ, 13 Юля, ровно въ
»половинѣ одиннадцатаго часа, на краю
»мыса святаго Андрея, измѣнникъ Іосифъ
»Сольбіескій разстрѣлянь въ присутствіи
»безчисленнаго народа; — этотъ клятво-
»преступникъ показаль нѣкоторое присут-
»ствіе духа.«

К о н е ц ъ .